

Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего образования
«Дальневосточный юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

А. О. Швейгер

**ВЫМОГАТЕЛЬСТВО:
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Учебное пособие

Хабаровск
ДВЮИ МВД России
2021

УДК 343.71
ББК 67.408
Ш 34

Издается по решению редакционно-издательского совета
Дальневосточного юридического института МВД России

Р е ц е н з е н т ы:

С. М. Мальков, начальник кафедры уголовного права и криминологии
Сибирского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;

И. Д. Бадамиин, доцент кафедры уголовного права и криминологии
Уфимского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук

Швейгер, А. О.

Ш 34 Вымогательство: вопросы теории и практики : учеб. пособие / А. О.
Швейгер ; Дальневост. юрид. ин-т МВД России. – Хабаровск : РИО
ДВЮИ МВД России, 2021. – 76 с.
ISBN 978-5-9753-0348-6

В учебном пособии с теоретической и правоприменительной точек зрения рассматриваются вопросы уголовной ответственности за вымогательство и ее развития в отечественном и зарубежном законодательстве, анализируются объективные и субъективные признаки вымогательства, приводятся его отличительные признаки.

Работа предназначена для курсантов, слушателей, адъюнктов и преподавателей образовательных организаций системы МВД России, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

**УДК 343.71
ББК 67.408**

Оглавление

Введение.....	4
1. История развития ответственности за вымогательство в отечественном законодательстве.....	5
2. Ответственность за вымогательство в зарубежном законодательстве.....	11
3. Объективные признаки вымогательства.....	18
4. Квалифицирующие признаки вымогательства.....	46
5. Субъективные признаки вымогательства.....	56
6. Отличие вымогательства от смежных составов преступлений.....	61
Заключение.....	67
Список использованных источников.....	69

ВВЕДЕНИЕ

Одним из наиболее опасных посягательств на собственность, а также на личные интересы граждан является вымогательство, которое сравнительно быстро распространилось по всем регионам страны в различных формах своего проявления. Состав вымогательства известен российскому уголовному праву более ста лет, а сам этот термин встречается и в более ранних источниках. Вместе с тем говорить о его унификации было бы преждевременным, так как и сейчас встречается различное его понимание, как в науке, так и на практике, что подчас серьезно влияет на эффективность борьбы с данным преступлением. Различен подход и к ограничению вымогательства от смежных составов преступлений. Также нет однозначного подхода к вопросу о юридической природе вымогательства.

Экономическая нестабильность в обществе, правовой нигилизм, недостаточно эффективная деятельность правоохранительных органов по предупреждению и раскрытию вымогательств обуславливают негативные характеристики этого вида преступления в России в целом. Стоит отметить и то, что некоторое уменьшение абсолютных показателей не означает, что исследуемый вид преступлений утрачивает свою общественную опасность. Вымогательство стало более латентно, так как изменилась форма его проявления, что привело к снижению их раскрываемости на 6 %. Ранее преступники подавляли волю потерпевших к сопротивлению путем применения особо жестоких способов, а высокая степень организованности формирований вымогателей позволяла им успешно противостоять правоохранительным органам. В настоящее время они перешли от подчеркнуто агрессивного насильственного воздействия на потерпевших к замаскированному принуждению, которое менее демонстративно, но не менее опасно, так как охватывает все сферы общественной деятельности.

На снижение показателей влияет и тот факт, что участились случаи перекалфикации вымогательства на насильственное самоуправство (ч. 2 ст. 330 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)). Следовательно, имеют место проблемы квалификации исследуемого преступления, порождаемые не совсем удачным законодательным определением вымогательства, а также сходных корыстно-насильственных посягательств: принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения (ст. 179 УК РФ); захват заложника, совершенный из корыстных побуждений (п. «з» ч. 2 ст. 206 УК РФ); самоуправство, сопряженное с применением насилия (ч. 2 ст. 330 УК РФ). Отмеченные обстоятельства свидетельствуют о повышенной актуальности проблем борьбы с вымогательством (рэкето́м), шантажом, в том числе уголовно-правовыми методами, а также о необходимости дальнейшего совершенствования законодательной конструкции состава вымогательства. Все вышеизложенное подчеркивает актуальность темы вымогательства.

1. История развития ответственности за вымогательство в отечественном законодательстве

Вымогательство как преступление имеет давнюю историю развития. Исторически это социально-правовое явление признавалось опасным нашим государством и за него устанавливалось всегда достаточно жесткое наказание во все периоды его формирования. Исследование истории развития вымогательства является необходимым для того, чтобы выявить предпосылки установления ответственности, проследить особенности содержания и изменения нормы о вымогательстве на различных этапах. Ретроспективный анализ позволяет выявить особенности и сущностные черты правового явления, к которым относится вымогательство, для лучшего его понимания и уяснения сущности изменений, которые претерпела норма, а также место и роль вымогательства в структуре корыстно-насильственной преступности в государстве. Историческое исследование позволяет выявить положительные и отрицательные тенденции развития исследуемого негативного правового явления и на этой основе делать предложения по совершенствованию борьбы с ним.

Все политические, социальные и экономические изменения, происходившие в государстве, оказывали влияние на формирование и изменение уголовного права, и, соответственно, на ответственности за вымогательство. Несмотря на происходившие изменения, законодатель последовательно на всех исторических этапах придерживался позиции о необходимости криминализации вымогательства, тем самым подчеркивая его особую опасность для общества.

Исследование развития вымогательства немыслимо в отрыве от действовавшего законодательства в соответствующие периоды, поскольку именно законодательство очерчивает границы государственной борьбы с ним, формируя тенденции противодействия. Также эволюция вымогательства представлена в изменениях законодательства, происходивших с течением времени.

На первоначальном этапе зарождения вымогательства, когда только появилась идея его законодательного закрепления в качестве правонарушения, такая идея еще носила достаточно пространственный и неопределенный характер.

Так, в период действия Русской Правды вымогательство еще не сформировалось как самостоятельное преступление, и отдельные его черты просматриваются в разбойном нападении и убийстве, совершающихся в процессе кражи. Некоторые авторы, анализируя данные нормы, приходят к выводу о зарождающихся признаках вымогательства в этих составах [65, с. 30]. Вместе с тем самостоятельной нормы, предусматривающей ответственность за вымогательство на тот момент не существовало. Впоследствии вымогательство было выделено в самостоятельную норму из общего собирательного понятия «татьба».

Первое упоминание в правовых памятниках Руси появилось в Судебнике 1497 г. В нем законодатель тех времен уже дифференцирует, хотя и не выносит в самостоятельные правовые нормы, такие понятия, как разбой и вымогательство, о чем свидетельствует содержание ст. 71 данного нормативного акта [72, с. 358–359]. При этом в статье содержится такая разновидность вымогательства, которая связана с распространением сведений клеветнического харак-

тера, что свидетельствует о том, что уже тогда пришло понимание необходимости криминализации такого вида вымогательства.

В Судебнике 1550 г. законодатель прямо не говорит о вымогательстве. Но некоторые авторы на основе анализа норм приходят к выводу, что фактически ответственность за вымогательство была закреплена в данном законодательном акте. Так, к преступлениям, подобным разбою, относились «душегубство», «ябедничество» и «иное лихое дело». Несмотря на имеющиеся в литературе мнения о том, что ябедничество и является вымогательством с угрозой ложного судебного обвинения [51, с. 6], следует согласиться с авторами, которые считают, что «ябедничество» по своему содержанию является средством похищения имущества и по своей природе располагалось ближе к мошенничеству [86, с. 10]. К вымогательству же относились деяния, определяемые признаком «иное лихое дело».

Несмотря на то обстоятельство, что о вымогательстве в обоих судебниках упоминается вскользь, без четко очерченного правового понятия и содержательной части, тем не менее, нельзя недооценивать значимость указанных законодательных актов для дальнейшего развития и формирования вымогательства.

В Соборном уложении 1649 г. вымогательство также не выделялось в качестве самостоятельного состава преступления и рассматривалось больше не как самостоятельное преступление, а через призму способов совершения хищений чужого имущества. Соборное уложение включало такие нормы, как «ябедничество» (ст. 186–188), «лихоимство», к которому относилось «взятничество», «неправомерные поборы» (ст. 15–17), «принуждение к сделке» (ст. 251–253). Таким образом, устанавливалась ответственность за деяния, которые имели некоторое сходство и смежные признаки с вымогательством. Поэтому содержательно ничего нового в Уложении законодателем предложено не было в части содержания и определения вымогательства. Фактически содержательная часть была унаследована от двух предыдущих нормативных актов. Само же вымогательство лишь фрагментарно упоминалось в указанных законах. Это свидетельствует о том, что правовая природа данного преступления не была сформирована и представлялась законодателем того времени как «некоторой части иных преступлений» [110, с. 118].

Воинские артикулы Петра I также не выделяли самостоятельного характера вымогательства, включая его по традиции с предыдущими нормативными актами уголовно-правового характера, в группу преступлений, относящихся к воровству, которое могло совершаться с применением насилия или без его применения [70, с. 450–451]. Таким образом, вымогательство не имело еще самостоятельного значения и, хотя данный термин употреблялся в законодательстве, он преимущественно в данном контексте относился к должностным преступлениям, связанным с вымогательством взятки.

В Наказе Екатерины 1767 г. статус вымогательства имел аналогичный характер. Хищения могли быть совершены как с применением насилия, так и без него. Вымогательство, не имея четкой правовой определенности и будучи включенным в разновидность воровства, могло также совершаться с применением насилия или без его применения. Данный факт свидетельствует о том, что

законодатель так и не придал четкую фактуру анализируемому явлению. Вымогательство рассматривалось преимущественно в рамках «лихоимства».

Законодатель длительное время не давал четкого правового статуса вымогательству, последовательно включая его в группу преступлений против собственности, которые определялись обобщающим термином «воровство». Отдельные зачатки современного вымогательства прослеживались уже тогда, но не имели самостоятельного значения и определения. Также вымогательство, по мнению законодателя того времени, в большей степени было выражено в должностных преступлениях, связанных с получением незаконного вознаграждения.

Уложение 1845 г. закрепило термин «вымогательство» как высшую степень «лихоимства», т. е. должностного преступления, связанного с получением вознаграждения за незаконные действия. Фактически был закреплен прообраз нынешнего вымогательства взятки. Предусматривались следующие виды психического насилия посредством угроз: «убийством», «поджогом жилья или другого имущества»; «побоями или причинением других телесных повреждений»; «причинением существенного вреда имуществу»; «нанесением тяжкой личной обиды».

Применительно к преступлениям против собственности законодатель опять не выделил вымогательство в самостоятельный вид преступления, несмотря на то, что перечень преступных деяний, закрепленных в Уложении, был существенно расширен.

В конце XIX в. после длительного периода законодательной неопределенности в отношении вымогательства, его начинают относить к опасному преступлению против собственности [52, с. 15]. Происходит трансформация научного понимания о необходимости придания вымогательству статуса самостоятельного преступления. В этот период в отечественной уголовно-правовой доктрине происходит разработка проблематики содержания и признаков вымогательства, заложивших фундамент для дальнейшего научного признания и законодательного закрепления вымогательства как преступления. Также криминалистами рассматривались вопросы разграничения вымогательства от таких смежных составов преступлений, как грабеж и разбой. В литературных источниках указывается, что в юридическом словаре 1910 г. вымогательство уже выделялось в качестве самостоятельного преступления, под которым понималось деяние «с целью доставить себе или другому противозаконную выгоду, принудить кого-либо к совершению, претерпению или неделанию чего-либо» [65, с. 37]. Многие известные ученые того времени внесли существенный вклад в развитие правовой мысли о вымогательстве.

Развитие правовой мысли в этом направлении привело к тому, что в Уголовном уложении 1903 г. вымогательство впервые было обособлено от других имущественных преступлений и объединило в себе такие способы его совершения, как «угрозу причинения телесных повреждений» и «насилия над личностью» для «принуждения доставить себе или иному лицу имущественную выгоду, уступить право по имуществу (право требования) или вступить в иную невыгодную сделку по имуществу». Предусматривались в качестве предмета вымога-

тельства имущественные права потерпевшего и обязательственные права по имуществу, конкретные вещи, т. е. фактическое имущество (вещные права потерпевшего). Фактически данные признаки присутствуют и в современной законодательной трактовке вымогательства, закрепленной в ст. 163 УК РФ. При этом в Уложении сохранилось понимание вымогательства и как самостоятельной разновидности преступлений, совершаемых должностными лицами. В целом в гл. 32 Уголовного уложения 1903 г., которая называлась «О воровстве, разбое и вымогательстве», данные преступления четко разграничивались между собой.

Квалифицированным считалось вымогательство в следующих случаях: 1) «при причинении тяжкого телесного повреждения»; 2) «группой лиц с противоправным вторжением в обитаемое здание или иное помещение»; 3) «с применением оружия»; 4) «лицом, ранее три и более раз судимым за совершение воровство, разбой, мошенничество или вымогательство».

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. наблюдается активное развитие научного представления о вымогательстве. Прослеживается тенденция единодушного понимания как в теории уголовного права, так и на законодательном уровне необходимости признания вымогательства одним из наиболее тяжких преступлений против собственности.

В это время активные научные исследования вымогательства формируют его основные признаки, которые и в действующем уголовном законодательстве присутствуют в основном составе ст. 163 УК РФ. К таким признакам можно отнести угрозу свободе потерпевшего и близких ему лиц (родственников), их имуществу и телесной неприкосновенности. Обязательным признаком вымогательства выступала корыстная цель совершаемого преступления. В случаях ее отсутствия деяние либо содержало иной состав преступления, либо в действиях лица вообще отсутствовало какое-либо преступление.

Вымогательство конкурировало с шантажом, который получил в то время самостоятельное развитие и изучение и был закреплен в гл. 34 «О банкротстве, ростовщичестве и иных случаях наказуемой недобросовестности по имуществу». Согласно ст. 615 шантаж определялся как «побуждение с целью доставить себе или другому имущественную выгоду, к передаче имущества или к уступке права по имуществу или ко вступлению в иную невыгодную сделку по имуществу посредством угрозы оглашением вымышленных или истинных сведений». Простой состав предусматривал разглашение сведений, позорящих потерпевшего, сведений о совершенном преступлении, сведений, подрывающих торговый кредит. Квалифицированный состав шантажа предусматривал более строгую ответственность, если преступление совершалось группой, лицом, три и более раза привлекавшимся к уголовной ответственности за такие преступления против собственности, как воровство, разбой, вымогательство и мошенничество, редактором, который использует свое положение (шантаж публикацией) [114, с. 40]. Несмотря на большое количество научных трудов, посвященных шантажу, его дальнейшее развитие в рамках отечественной уголовно-правовой доктрины не встретило поддержки [65, с. 41].

Таким образом, дореволюционное развитие законодательства и учения о вымогательстве заложило основы для его закрепления в качестве самостоя-

тельного преступления и дальнейшего совершенствования содержания состава вымогательства. Были выработаны критерии разграничения вымогательства со смежными составами преступлений, к которым, в первую очередь, относились разбой и принуждение к совершению сделки.

В послереволюционный период новая власть фактически нивелировала законодательные достижения царской России, поскольку декретом Совета Народных Комиссаров № 1 от 24 ноября 1917 г. «О суде» были признаны утратившими силу все нормативно-правовые акты, которые противоречили новому законодательству советской власти. Фактически были отвергнуты как достижения законодательного уровня, так и теоретического характера [64, с. 70]. Вплоть до 1921 г. вымогательство было выведено из категории самостоятельных преступлений, хотя и упоминалось как общественно опасное деяние, сопряженное с совершением иных наиболее опасных преступлений против собственности, за которое мог быть применен расстрел Всероссийской Чрезвычайной Комиссией.

В УК РСФСР 1922 г. вымогательство было отнесено к имущественным преступлениям и закреплено в соответствующей главе. Фактически состав вымогательства содержался в двух статьях (ст. 194 и 195). Статья 194 УК РСФСР предусматривала ответственность за требование передачи имущественных выгод, права на имущество или совершения иных действий с применением насилия или угрозой его применения, а также уничтожения чужого имущества. Содержание нормы позволяет сделать вывод о том, что в ней частично повторяется содержание вымогательства, закрепленного в Уголовном уложении 1903 г. В ст. 194 также не говорилось о характере действий, совершаемых преступником, в частности не упоминалось, что они должны носить имущественный характер. Исходя из того, что вымогательство было помещено в главу «Имущественные преступления», видимо, законодатель подразумевал, имущественный характер таких действий, поскольку посягательство носило корыстный характер. Но данный пробел позволял толковать норму более широко.

Шантаж был закреплен в ст. 195 УК РСФСР 1922 г. Он определялся как вымогательство, которое совершается под угрозой распространения сведений, порочащих потерпевшего или сообщения властям сведений о совершенном правонарушении. Фактически состав вымогательства содержался в двух самостоятельных нормах, которые следовали друг за другом и содержали одинаковую санкцию за его совершение. Оба преступления не признавались хищениями, хотя и были закреплены в главе, посвященной имущественным преступлениям. Разграничение вымогательства с хищениями осуществлялось по предмету совершения преступления (при вымогательстве он был шире) и средствам преступления, в качестве которых могла выступать и угроза причинения вреда, которая может быть реализована в будущем.

Также вымогательство содержалось в главе, предусматривающей ответственность за должностные преступления в качестве квалифицированного состава взятки – ее вымогательства. В данной структуре прослеживается преемственность Уголовного уложения 1903 г., несмотря на отказ советской власти от наработок царского времени.

Поскольку вымогательство было впервые введено в качестве самостоятельного состава преступления, не было определенности в моменте его окончания. В литературе встречаются мнения о том, что вымогательство следует считать оконченным с момента предъявления требований преступником, другая позиция основывалась на мнении, что вымогательство следует считать оконченным с момента фактического завладения имуществом или правом на имущество.

В УК РСФСР 1926 г. существенных изменений вымогательство не претерпело. Однако четко прослеживается тенденция разграничения имущества на государственное и личное. Доктрина того времени рассматривала вымогательство как преступление, тесно примыкающее к грабежу и разбою, которое имело с ними как сходство по способу совершения преступления (насилие или его угроза), так и отличие (направленность угрозы в будущее) [95, с. 254–256, 270–272].

В УК РСФСР 1960 г. вымогательство содержалось в двух статьях. Одна из них предусматривала ответственность за посягательство на государственное и общественное имущество (ст. 95), а другая – на имущество личной собственности граждан (ст. 148). В соответствии с социально-политическим и экономическим государственным строем того времени более строго наказывалось посягательство на государственное и общественное имущество. В ст. 95 вымогательство определялось как «требование передачи государственного или общественного имущества или права на имущество под угрозой насилия над лицом, в ведении или под охраной которого находится это имущество, насилия над его близкими, оглашения позорящих сведений о нем или его близких или истребления их имущества». В ст. 148 вымогательство определялось как «требование передачи личного имущества граждан или права на имущество или совершения каких-либо действий имущественного характера под угрозой насилия над личностью потерпевшего или его близких, оглашения о них позорящих сведений или истребления их имущества». Разграничительным критерием данных составов выступал объект посягательства: отношения в сфере охраны государственного или личного имущества граждан.

В данном виде основной состав просуществовал практически три десятилетия. Дополнения вносились лишь в квалифицированный или особо квалифицированный составы этих преступлений.

В 1994 г. статья, предусматривающая ответственность за посягательство на государственное и общественное имущество была декриминализована. Это произошло в связи с изменением политико-государственного строя в нашем государстве, в котором провозглашалось равенство всех форм собственности.

В УК РФ 1996 г. состав вымогательства содержится в главе «Преступления против собственности» в ст. 163 и является одним из наиболее тяжких преступлений. Во многом содержание данного преступления было заимствовано из УК РСФСР 1960 г.

В целом история развития ответственности за вымогательство свидетельствует о постепенном выделении его в самостоятельную норму из «сообщающихся» преступлений. Также можно проследить историческую трансформацию объекта посягательства данного преступления от связанного с должностными проступками до имущественных отношений.

2. Ответственность за вымогательство в зарубежном законодательстве

Изучение зарубежного законодательства является необходимым элементом осмысления той или иной уголовно-правовой нормы, устанавливающей ответственность за общественно опасное деяние в отечественном праве. Исследование зарубежного законодательства по соответствующей тематике позволяет проанализировать уровень и состояние уголовно-правовой борьбы с данным явлением в зарубежных государствах, что, в свою очередь, способствует выявлению недостатков норм национального уголовного законодательства. Сравнительный анализ способствует выработке предложений по устранению выявленных недостатков и совершенствованию конструкции уголовно-правовых норм отечественного права. Поэтому в литературе уделяется значительное внимание данному аспекту.

Наиболее близко к описанию состава вымогательства, содержащегося в УК РФ, находятся страны – участники бывшего СНГ. В основе этого заложено обстоятельство формирования национального уголовного законодательства этих государств по единому Модельному уголовному кодексу. В данном кодексе вымогательство определялось как «требование передачи чужого имущества или права на имущество, либо совершения других действий имущественного характера под угрозой оглашения позорящих сведений о лице или его близких, предания гласности сведений о таких обстоятельствах, которые потерпевший желает сохранить в тайне, а равно под угрозой применения насилия над лицом или его близкими либо под угрозой уничтожения (повреждения) имущества лица, его близких и других лиц, в ведении или под охраной которых находится это имущество» [62, с. 92, 150].

Так, практически идентичны по содержанию с нормами отечественного законодательства положения УК Республики Армения, которые в ст. 182 устанавливают ответственность за вымогательство. Необходимо отметить, что содержание данной нормы практически не отличается от содержания положений Модельного уголовного кодекса стран – участниц СНГ. Вместе с тем, имеются и некоторые отличия. Например, в квалифицирующих признаках ч. 2 и 3 установлена ответственность за причинение смерти и иных тяжких последствий по неосторожности. При этом срок наказания предусмотрен от шести до пятнадцати лет лишения свободы. Также отличительной чертой является содержание в квалифицированном составе указания на специальный рецидив, который также усиливает ответственность в случае повторного совершения преступления [102].

УК Республики Таджикистан также имеет минимальные отличия от описания вымогательства, содержащегося в УК РФ. Из отличий следует отметить то обстоятельство, что вымогательство в ст. 250 УК Республики Таджикистан определяется как хищение, а также более широкое содержание признака, характеризующегося угрозой распространения сведений. В УК РФ такой признак закреплен, как «под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный

вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких». В УК Республики Таджикистан такой признак описывается как «под угрозой оглашения позорящих (унижающих) сведений о потерпевшем или его близких, предание гласности сведений о таких обстоятельствах, которые потерпевший желает сохранить в тайне» [105]. Описание объективной стороны вымогательства в УК Республики Таджикистан в этой части представляется более удачным, поскольку спектр сведений, распространением которых угрожают потерпевшему, более обширен. Также отличительным моментом УК Республики Таджикистан является наличие в квалифицирующих признаках рецидива и применения оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ.

УК Азербайджанской Республики в описательной части диспозиции практически полностью совпадает с ч. 1 ст. 163 УК РФ. Отличительной чертой является то, что в УК Азербайджанской Республики в ч. 1 ст. 182 отсутствует признак угрозы распространения иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких. Таким образом, законодатель Азербайджана ограничился при описании вымогательства только угрозой распространения сведений, которые позорят потерпевшего или его близких родственников [97]. Это в некоторой степени сужает возможности уголовно-правового воздействия на лиц, совершающих вымогательство, поскольку ограничивает круг сведений, распространением которых могут угрожать потерпевшему. Перечень квалифицирующих признаков полностью схож с УК РФ.

Интересным представляется описание вымогательства, которое дается в ч. 1 ст. 165 УК Республики Узбекистан. Помимо признаков, содержащихся в УК РФ, законодатель Узбекистана расширил возможность применения данной статьи за счет включения в нее таких признаков, как «предоставление имущественных выгод» и «путем создания обстановки, вынуждающей потерпевшего передать имущество или право на имущество» [106]. Если в отечественном законодательстве описание ограничивается только совершением действий имущественного характера, которые толкуются судебной практикой ограничительно: «действия, не связанные непосредственно с переходом права собственности или других вещных прав (в частности, производство работ или оказание услуг, являющихся возмездными в обычных условиях гражданского оборота; исполнение потерпевшим за виновного обязательств)», то предоставление имущественных выгод значительно расширяет возможную сферу применения ст. 165 УК Республики Узбекистан, поскольку последние включают в себя любые выгоды имущественного характера.

Также создание обстановки, вынуждающей потерпевшего передать имущество или право на имущество в рассматриваемом уголовном законодательстве отличает его в лучшую сторону в сравнении с отечественным, поскольку не ограничивает возможность воздействия на потерпевшего или его близких лишь четко ограниченным перечнем возможных способов, перечисленных в статье.

Квалифицирующие признаки рассматриваемого уголовного кодекса включают такой признак, отсутствующий в УК РФ, как совершение вымогательства при рецидиве преступлений.

Статья 194 УК Республики Казахстан полностью совпадает с описанием ст. 163 УК РФ. Квалифицированные составы также аналогичны. Отличием является только санкция, в которой в качестве наказания предусмотрена конфискация имущества, которая может быть применена на усмотрение правоприменителя [104].

УК Кыргызской Республики в ст. 203 содержит описание, во многом совпадающее с отечественным уголовным законодательством. Однако вместо одного из способов совершения данного преступления, связанного с угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего, законодатель Киргизии применил более удачный термин «шантаж» [99]. В отечественной научной литературе неоднократно критиковалось содержание диспозиции ст. 163 УК РФ в той части, что в ней не нашел отражения данный признак, поскольку он по содержанию гораздо шире, чем содержащаяся угроза распространения сведений. Такую критику стоит признать справедливой и согласиться с более удачным описанием в данной части диспозиции уголовного закона Киргизии. Вместе с тем в рассматриваемом уголовном кодексе отсутствует признак угрозы уничтожения или повреждения имущества, что создает определенные пробелы в применении данной нормы. Одним из квалифицирующих признаков, отсутствующим в отечественном законодательстве является совершение вымогательства, причинившего по неосторожности тяжкий вред.

В ст. 208 УК Республики Беларусь понятие вымогательства также практически полностью совпадает с УК РФ. Отличие ч. 1 ст. 208 УК Республики Беларусь заключается в том, что законодатель использовал более унифицированную формулировку при описании угрозы распространения сведений, а именно «распространения клеветнических или оглашения иных сведений, которые потерпевшие желают сохранить в тайне» [103]. Также одной из отличительных черт является закрепление в квалифицирующих признаках такогоотягчающего обстоятельства, как фактическое уничтожение или повреждение имущества. В отечественной правоприменительной практике в случае реального повреждения или уничтожения имущества требуется дополнительная квалификация по совокупности со ст. 167 УК РФ. Также отягчающим обстоятельством выступает повторность данного преступления.

Уголовный кодекс Эстонской Республики в ст. 142 определяет вымогательство как «требование передачи чужого имущества или права на имущество либо иной имущественной выгоды под угрозой применения насилия над личностью, ограничения свободы личности, оглашения позорящих сведений о лице, которому высказываются угрозы, или о других лицах, уничтожения или повреждения имущества» [108]. Из данной формулировки видно, что эстонский законодатель дифференцирует такие признаки состава, как применение насилия и ограничение свободы личности. В отечественном законодательстве ограничение свободы охватывается понятием применения насилия, если оно носит кратковременный характер.

В качестве квалифицирующих признаков, отсутствующих в УК РФ, выступают угроза убийством или причинением особо тяжкого телесного повреждения. Интересен факт того, что данное отягчающее обстоятельство содержится в ч. 2 статьи наряду с таким признаком, как применение насилия, не опасного для жизни или здоровья. Таким образом, законодатель проводит параллель между ними по степени общественной опасности, поместив в одну часть статьи. Также отличительным признаком выступает совершение вымогательства при наличии повторности ранее совершенных преступлений против собственности.

Еще одним отягчающим обстоятельством при совершении вымогательства, не встречавшимся в выше проанализированном зарубежном уголовном законодательстве, выступает сокрытие лица специальной накладкой или маской либо иным способом, препятствующим установлению личности. Очевидно, что законодатель провел некоторую параллель между вымогательством и разбоем, в котором также содержится данный квалифицирующий признак. Однако, как правило, вымогатели действуют открыто при непосредственном контакте с потерпевшей стороной, а если хотят оставить свою личность в тайне, то предъявляют требования посредством технических средств коммуникации и Интернета.

Уголовный кодекс Латвийской Республики в ст. 183 описывает состав вымогательства практически идентично УК РФ. Отличительной чертой, которую необходимо отметить как положительную, является наличие в диспозиции нормы указание на такой способ совершения вымогательства, как «угроза причинения иного существенного вреда» [100]. В отличие от УК РФ, где способы совершения данного преступления четко очерчены отечественным законодателем, в УК Латвии возможные способы совершения вымогательства не ограничиваются лишь несколькими, указанными в законе, поскольку признак «причинение иного существенного вреда» охватывает значительный спектр возможных жизненных ситуаций, когда под угрозу ставятся охраняемые интересы граждан в целях получения от них требуемого имущества.

В ч. 3 ст. 183 УК Латвии содержится такой квалифицирующий признак, как наступление тяжких последствий в результате совершения вымогательских действий. Данную законодательную технику также необходимо признать удачной, поскольку она охватывает практически неограниченное количество возможных негативных последствий, влекущих значительные нарушения законных прав потерпевшей стороны.

УК Литовской Республики в ст. 181 также достаточно схоже описывает состав вымогательства, используя те же признаки, которые содержатся в ст. 163 УК РФ. Вместе с тем законодатель Литвы к вымогательству относит не только требование передачи чужого имущества, прав на имущества или совершения иных действий имущественного характера, но и отказ виновным от своих обязательств имущественного характера перед потерпевшим, если он совершен одним из способов, указанных в диспозиции статьи [101]. Кроме того, в статье указано, что вымогательство может совершаться как в пользу виновного, так и третьих лиц, что можно отметить как положительный момент описания нормы. В УК РФ такое указание отсутствует. Оно содержится в понятии хищения,

но в отечественном уголовном праве вымогательство не относится к хищению и, соответственно, данное понятие на вымогательство не распространяется. Поэтому такое описание в указанной части можно было бы заимствовать у литовского законодательства.

Квалифицированные составы вымогательства Литвы во многом схожи с российскими. Однако фактическое насилие содержится в квалифицированном составе ч. 2 ст. 181 УК Литвы.

Проанализировав уголовное законодательство стран – участниц бывшего СНГ, можно прийти к выводу о том, что на его формирование и содержание норм, устанавливающих уголовную ответственность за вымогательство, в значительной мере оказал влияние Модельный уголовный кодекс. Содержание признаков основного состава преступления практически во всех государствах схож, за исключением некоторых незначительных деталей. Квалифицирующие признаки также во многом идентичны и схожи с таковыми, содержащимися в ст. 163 УК РФ. Вместе с тем, некоторые имеющиеся отличия, о которых было сказано выше, могли бы быть позаимствованы отечественным уголовным законодательством в целях совершенствования описательной части нормы, устанавливающей ответственность за вымогательство.

Несколько иной подход к решению исследуемого вопроса демонстрируется в странах дальнего зарубежья. Причем это характерно для стран как романо-германской, так и англо-саксонской правовых семей. Так, в ст. 317 УК Голландии вымогательство определяется следующим образом: «Лицо, которое с целью получения незаконных доходов на себя или кого-либо другого заставляет актом насилия или угрозой насилием отдать любую собственность, принадлежащую в целом или в части этому лицу или третьему лицу, или принять на себя долг, или отказаться от претензий, или сделать доступными имеющие денежную стоимость в коммерции, виновно в вымогательстве» [98, с. 191–192]. Как видно из этого определения, состав данного преступления по своим признакам, а точнее по объективной стороне преступления, несколько шире аналогичного состава в отечественном Уголовном кодексе. Более того, в УК Голландии в качестве смежного с вымогательством рассматривается состав шантажа. В ст. 318 УК Голландии указывается, что «лицо, которое с целью получения незаконных доходов для себя или кого-либо другого заставляет лицо, угрожая ему устной клеветой, пасквильной диффамацией или раскрытием тайны, отдать любую собственность, принадлежащую в целом или в части этому лицу или третьему лицу, или принять на себя долг, или отказаться от претензий, или сделать доступными имеющие денежную стоимость в коммерции, виновно в шантаже». Шантаж и вымогательство, таким образом, по своей сути являются смежными составами, где первый выступает в роли специальной нормы по отношению ко второму. Подобное выделение из вымогательства самостоятельного состава шантажа, на наш взгляд, неизбежно должно приводить к спорным вопросам квалификации, которые возникают в связи со схожестью обоих составов. Отечественное уголовное законодательство шантаж в целях получения имущественной выгоды рассматривает в рамках ст. 163 УК РФ.

В УК Швейцарии предусматривается ответственность за вымогательство в ст. 151. Само вымогательство определяется следующим образом: «Кто с целью незаконно обогатиться самому или обогатить другого, применяя насилие и угрожая серьезным вредом, принуждает кого-то к поведению, в результате которого причиняется имущественный ущерб потерпевшему или другому лицу, признается вымогателем» [107, с. 58, 59]. Таким образом, УК Швейцарии состав вымогательства изначально связывает с насилием, тогда как в УК РФ, а также в большинстве уголовных законов стран первой группы, насилие относится лишь к квалифицированному составу данного преступления. При этом следует отметить, что в соответствии с ч. 1 ст. 151 УК Швейцарии за вымогательство предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок до 10 лет, а по ч. 2 этой же статьи устанавливается абсолютно-неопределенная санкция. То есть решение о сроке лишения свободы отдается полностью на откуп судье [65, с. 57].

Статья 312-1 УК Франции определяет вымогательство как «...получение путем насилия, угрозы применения насилия или принуждения добиться либо подписи, обязательства или отказа от обязательства, либо секретной информации, либо материальных ценностей или какого бы то ни было иного имущества» [68, с. 117–121]. Как видно из содержания диспозиции этой уголовно-правовой нормы, законодатель формулирует несколько основных признаков, характеризующих состав вымогательства. Во-первых, он подробно описывает предметы посягательства и детально характеризует признаки объективной стороны состава преступления: а) конкретные, представляющие имущественные выгоды документы, подпись на которых должен учинить потерпевший; б) выгодные для виновного обязательства, которые должен принять на себя потерпевший; в) имущественные права, от которых отказывается потерпевший в пользу виновного; г) тайны экономического характера; д) конкретные ценности, имущество, денежные средства [116].

Уголовное законодательство Германии различает два вида вымогательства: вымогательство (§ 253) и разбойное вымогательство (§ 255). Под вымогательством, предусмотренным § 253 УК Германии, понимаются «действия того лица, кто с применением насилия или угрозы причинения ошутимого вреда противоправно принуждает человека к совершению действий, попустительству или бездействию и этим причиняет вред потерпевшему или другому лицу с целью собственного противоправного обогащения либо обогащения третьего лица. Наказывается лишением свободы на срок до пяти лет или денежным штрафом. Разбойное вымогательство (§ 255) имеет место в случае, если вымогательство совершается с применением насилия или применением угрозы сиюминутной опасности для здоровья или жизни потерпевшего. Деяние наказуемо как разбой» [11, с. 28].

В заключение можно сделать вывод о том, что наиболее близким к отечественному уголовному законодательству по описанию состава вымогательства являются страны ближнего зарубежья. Это обуславливается общностью научных правовых взглядов в силу общности правовых традиций, которые присутствовали еще какое-то время после распада СССР и образования СНГ. Также

значительное влияние на содержание уголовного законодательства этих стран оказал единый Модельный кодекс, на основании которого государства формировали свое право.

Страны дальнего зарубежья уже со значительными отличиями подходят к описанию вымогательства. Вместе с тем общей чертой для данного состава преступления, которая прослеживается во всех странах, является то, что в основе вымогательства лежит требование чужого имущества под угрозой насилия или с применением насилия. Особенности описания состава вымогательства, содержащиеся в уголовных кодексах зарубежных государств, представляются заслуживающими интереса и могли бы быть позаимствованы для совершенствования отечественного уголовного кодекса в части описания состава вымогательства.

3. Объективные признаки вымогательства

В ч. 1 ст. 163 УК РФ 1996 г. вымогательство определяется как «требование передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких».

Важным этапом квалификации преступлений является определение объекта посягательства. Не является исключением и вымогательство, так как у данного состава имеются смежные составы преступлений, содержащиеся в других разделах и главах УК РФ.

По поводу объекта преступлений против собственности, к которым относится и анализируемый состав, в литературе имеется множество позиций. Имеется даже мнение, что «собственность (ни как элемент общественной экономической системы, ни как субъективное право собственности) не может и не должна пониматься в качестве объекта преступлений, называемых в современном российском праве «преступлениями против собственности» [47, с. 74–83].

Тем не менее, поскольку вымогательство посягает на отношения собственности, можно говорить о том, что данный состав неразрывно связан с этой гражданско-правовой категорией. Собственность в экономической сфере понимается как особое волевое общественное отношение, функционирующее в сферах производства, распределения, обмена и потребления материальных благ. Сфера распределения в наибольшей мере выражает волевой характер отношений собственности, связанный с признанием исключительной принадлежности имущества собственнику [33, с. 46]. Юридически собственность выражается в виде правомочий владения, пользования и распоряжения имуществом. Данное понятие необходимо брать за основу при определении непосредственного объекта вымогательства.

Между тем в научной литературе имеется мнение о том, что необходимо признать в качестве объекта посягательства не юридические (правовые), а фактические отношения собственности, которые, будучи первичными, и нарушаются преступлениями в конечном счете, тогда как правоотношения собственности, являясь вторичными, нарушаются лишь попутно [31, с. 18].

Однако, по мнению автора, таковыми нельзя признавать отдельно экономические или фактические отношения собственности. Экономические отношения собственности имеют выраженную экономическую окраску, поскольку характеризуются отношениями производства и распределения благ, к которым относятся и продукты производства и потребления. Вопросы справедливого распределения товарно-материальных ценностей являются предметом уголовно-правового регулирования опосредованно через нарушение охраняемых объектов (например, в виде нормального функционирования экономической системы России, нормальной деятельности государственных органов и т. п.) или через призму правомочий собственника, гарантированных законом.

Фактические экономические отношения выражаются в главном вопросе – кто осуществляет контроль над объектом собственности и принимает решения о порядке его использования, отчуждения и распределении прибыли.

Часто в научной литературе объект вымогательства определяют через категорию права собственности. Так, Б. С. Никифоров считал, что объектом преступлений против собственности является гарантированная собственнику возможность (право) в установленных законом пределах использовать имущество по своему усмотрению, обращаться к ним как со своим, в частности возможность владеть, пользоваться и распоряжаться им своей властью (по своей воле) и в своем так или иначе понимаемом интересе [66, с. 30].

Другие авторы придерживаются аналогичного мнения, указывая, что для уголовно-правовой охраны важно не столько то обстоятельство, что имущественные интересы реализуются в сфере экономики, не столько экономическое значение и содержание этих интересов, сколько их неприкосновенность, статика, свобода лица в осуществлении имущественных прав [96, с. 60].

Представляется, что без правовой гарантии реализации прав собственника имущества нельзя изолированно рассматривать на современном этапе выделенные два вида отношений собственности. Ведь в том числе и юридические отношения собственности являются предпосылкой уголовно-правового регулирования. Связано это с тем, что собственник при нарушении закрепленных за ним и гарантированных ему прав свободы пользования, владения и распоряжения имуществом фактически их утрачивает. Но эта сфера не связана с вопросами распределения имущества. Экономическую составляющую данные отношения имеют в силу того, что любое имущество вовлечено в товарно-материальный оборот и имеет рыночную стоимость. Это выражается в причинении собственнику имущественного ущерба.

Правильно по этому поводу высказался А. И. Бойцов: «Будучи правовой категорией, собственность является компонентом не только юридической, но и экономической сферы бытия, где правоотношения собственности выступают в качестве необходимой формы экономических отношений, которые в государственно организованном обществе не могут существовать иначе как в соответствующем юридическом закреплении, выражающемся как в системе правовых норм, образующих институт права собственности, так и в юридически обеспеченной мере юридической власти конкретного собственника в отношении принадлежащего ему имущества и устранении вмешательства всех третьих лиц в ту сферу хозяйственного господства, которую закон закрепляет за собственником. Поэтому противопоставление собственности (как экономического отношения) и правоотношений собственности (как его «правовой оболочки») оправдано лишь в той мере, в какой оправдано противопоставление на философском уровне формы и содержания. Любое преступление против собственности одновременно деформирует и социальное содержание – общественное отношение собственности, и правоотношение собственности как некую юридическую форму его реализации» [15, с. 107]. Аналогичной точки зрения придерживается С. В. Богданчиков [13, с. 55].

На подобное понимание объекта посягательства при вымогательстве ориентирует и Верховный суд РФ, указав, что «характер общественной опасности преступления, предусмотренного статьей 163 Уголовного кодекса Российской Федерации, определяется направленностью посягательства на отношения собственности и иные имущественные отношения» [6]. Как видно, Верховный суд РФ не уточнил характер отношений собственности, очевидно подразумевая совокупную составляющую этого института.

Необходимо отметить, что вымогательство является многообъектным преступлением. Это связано с особенностями конструкции объективной стороны преступления, предусматривающей в качестве обязательного признака состава особый способ завладения имуществом или принуждение потерпевшего к совершению действий имущественного характера. В качестве обязательного способа выступают насилие, угроза применения насилия, угроза уничтожения или повреждения чужого имущества, угроза распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких.

Многообъектная конструкция состава вымогательства позволила некоторым ученым по-разному определять, какой объект является основным, какой – дополнительным.

Например, В. Н. Куц придерживается точки зрения, что основным объектом вымогательства является личность. Свою позицию данный автор обосновывает тем, что личность является более ценным в социальном плане благом в сравнении с собственностью. Кроме того, при вымогательстве личности причиняется реальный вред, тогда как имущественные отношения только ставятся под угрозу причинения вреда [14, с. 141–142].

С автором данной точки зрения следует не согласиться. Основным объектом преступного посягательства многообъектных преступлений определяется не сравнением ценностей объектов, которые подвергаются посягательству. Подобную логику приходилось бы использовать и в случаях наличия факультативного объекта. И всегда, где в качестве квалифицирующего признака имелось бы посягательство на жизнь и здоровье, необходимо было бы говорить, что основным объектом выступают таковые. Очевидно, что в основе определения основного объекта должно лежать сущностное содержание преступного посягательства, которое определяется основной (конечной) целью такового. Правильно было отмечено в литературе, что вымогательство хоть и посягает наряду с собственностью на более ценный объект – личность, тем не менее не перестает быть имущественным, поскольку основным его содержанием является посягательство на чужую собственность [69, с. 32]. Схожую точку зрения высказывает Н. В. Вишнякова: «Дополнительный (необходимый дополнительный) непосредственный объект – это конкретное общественное отношение, посягательство на которое не составляет сущности данного преступления, но причинение вреда которому либо угроза причинения вреда есть обязательное условие уголовной ответственности за данное преступное посягательство» [21, с. 71].

Однако, помимо отношений собственности, вымогательство затрагивает ряд иных имущественных отношений, которые не сопряжены с переходом права собственности, имущества или иных вещных прав. Это связано с совершением иных действий имущественного характера. В данном случае подвергается посягательству самостоятельность лица в формировании данных отношений и изменении своего поведения. Основы такого поведения и возникающих отношений основаны, например, на нормах гражданского законодательства. Вымогательство, влияя на свободу потерпевшего в выборе варианта поведения, влияет на порядок формирования подобного рода отношений [65, с. 72].

Так, согласно приговору Нагоев около 21 ч 30 мин 16 апреля 2017 г. в казарменном помещении войсковой части в городе Белогорске Амурской области, нарушая правила взаимоотношений между военнослужащими, предусмотренные ст. 16, 19, 67, 161 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, унижая честь и достоинство не состоящего с ним в отношениях подчиненности рядового, недовольный невыполнением последним его требования отремонтировать обогреватель, с целью утверждения своего мнимого превосходства нанес потерпевшему четыре удара ладонью по лицу, а затем по одному удару ногой соответственно по затылку и спине. После этого под угрозой применения насилия вновь потребовал от потерпевшего отремонтировать его обогреватель. Нагоев был осужден по п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ [118].

Как было отмечено выше, вымогательство, являясь многообъектным преступлением, всегда посягает помимо собственности на личность, ее жизнь и здоровье, честь, достоинство и репутацию личности, неприкосновенность частной жизни лица, сохранность имущества. При этом посягательство на указанные объекты является способом посягательства на основной объект, оказания воздействия на потерпевшего для принуждения его к варианту поведения, необходимого виновному лицу. Основной и дополнительный объект вымогательства неразрывно взаимосвязаны. Эта взаимосвязь выражается в невозможности существования данного состава без угрозы, которая видится виновному необходимым (единственным или наиболее простым) способом удовлетворения своих имущественных потребностей за счет потерпевшей стороны.

Еще одним важным вопросом вымогательства является предмет преступления. Таковым большинство ученых предлагает считать вещи, материальные предметы, с которыми связано осуществление преступления [90, с. 48], предметы и вещи, воздействуя на которые, преступник совершает преступление [42, с. 44], предмет внешнего мира, на который непосредственно воздействует преступник при посягательстве на объект преступления [32, с. 16–17]. Исходя из анализа приведенных точек зрения, можно прийти к выводу о том, что многие ученые относят к предмету преступлений только овеществленные объекты материального мира, обладающие физической оболочкой, признаками осязаемости.

Однако законодательное описание вымогательства предусматривает возможность посягательства не только на имущество, но также на право на имущество. Кроме того, законодатель указывает и на совершение других действий имущественного характера. Как право на имущество, так и действия имуще-

ственного характера не обладают указанными признаками. Очевидно, что в некоторых составах преступлений предмет посягательства необходимо рассматривать более широко, чем это принято устоявшейся доктринальной позицией отечественной уголовно-правовой науки. Например, В. Н. Кудрявцев не ограничивал предмет посягательства только материальными предметами. Он утверждал, что общественные отношения могут выражаться в действиях людей или определенном положении их по отношению друг к другу, иметь материальные предпосылки и закрепляться в материальных формах. Поэтому он считал, что предметом преступления могут быть действия участников отношений (при даче взятки, ложном доносе) и вещи как материальная предпосылка существования отношения (истребление и повреждение имущества) или как материальная форма закрепления общественных отношений (документы, деньги и т. п.) [53, с. 48]. Конечно, данный подход сильно расширяет границы понятия предмета преступления, поскольку включает в него и механизм причинения ущерба. Однако в данном подходе выражена главная мысль – иногда предметом преступления нельзя считать только вещи и имущество.

Хотя ряд авторов высказываются критически к отнесению к предмету вымогательства права на имущество и действий имущественного характера, утверждая, что право собственности ни в субъективном его смысле, ни тем более в объективном по природе своей похищено быть не может. Преступник лишает в этом случае потерпевшего не самой собственности, а только фактической возможности использовать имеющиеся у него правомочия в отношении этого имущества [15, с. 216].

Несмотря на определенную логику в данном утверждении, необходимо отметить, что широкий спектр возможных вариантов реализации своих имущественных прав в гражданском законодательстве порождает столь же широкий спектр общественных отношений по этому поводу. Если неукоснительно придерживаться устоявшегося мнения о признании предметом вымогательства только имущества, то из поля уголовно-правовой охраны необходимо исключить виды посягательства, связанные с неправомерным завладением правом на имущество и принуждением к совершению действий имущественного характера, поскольку они в строго определенном понятии не являются имуществом.

Очевидно, что некоторые составы преступлений требуют применения метода фикции. Для юридической науки, в том числе и для уголовного права, данный метод не является чем-то новым. Ведь ни у кого не вызывает серьезных возражений признание предметом преступления в ст. 283 УК РФ сведений, составляющих государственную тайну, которая не имеет овеществленных признаков.

Аналогично необходимо поступать и при решении вопроса о признании предметом преступления права на имущество и действий имущественного характера. Признавая их таковыми, мы признаем их объектом гражданских прав и отношений, требующих охраны нормами уголовного законодательства. Следует согласиться с Н. В. Вишняковой, считающей, что «есть два варианта: либо пользоваться фикцией, считая вещами деньги, ценные бумаги, в некоторых случаях – имущественные права, либо не признавать их в качестве объектов

гражданских прав и, соответственно, не иметь возможности защищать их принадлежность кому-либо» [21, с. 93]. Аналогичной позиции придерживаются и другие ученые [56, с. 31; 75, с. 136–143].

Поэтому автор считает, что предметом вымогательства является как имущество, так и право на имущество, а также действия имущественного характера.

Собственно на такое понимание предмета вымогательства ориентирует и Верховный суд, указавший, что «к предмету вымогательства по смыслу статьи 163 УК РФ относится, в частности, чужое (то есть не принадлежащее виновному на праве собственности) имущество, а именно вещи, включая наличные денежные средства, документарные ценные бумаги; безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, а также имущественные права, в том числе права требования и исключительные права.

Под правом на имущество, с передачей которого могут быть связаны требования при вымогательстве, в ст. 163 УК РФ понимается удостоверенная в документах возможность осуществлять правомочия собственника или законного владельца в отношении определенного имущества» [6].

В. был осужден за совершение преступления, предусмотренного п. «б» ч.3 ст.163 УК РФ, за то, что в период с апреля по июль 2015 г. он, достоверно зная, что у К., являющегося соучредителем и директором фирмы и осуществляющего предпринимательскую деятельность в сфере поставок лифтового оборудования, имеются договорные отношения с другими организациями, и указанные организации имеют задолженность за оказанные услуги перед фирмой К. по договорам на общую сумму 6 410 460 руб., под угрозой применения насилия потребовал от К. передать ему право требования по данным долговым обязательствам. К., восприняв угрозы применения насилия реально, передал В. через доверенных лиц право требования по погашению задолженности на общую сумму 6 410 460 руб., что является особо крупным размером [119].

В ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) раскрывается понятие имущества, под которым понимаются вещи (сами вещи, а также деньги и ценные бумаги), другое имущество, имущественные права. В литературе конкретизируются эти положения применительно к предмету преступлений против собственности за счет отнесения к таковому денег и ценных бумаг, овеществленных в документах прав требования, а также имущественных прав, когда к ним применяется фикция вещи или когда они входят в неделимый объект права собственности [21, с. 95].

Исходя из широкого спектра гражданско-правовых отношений, возникающих по поводу имущества, и возможности реализации своих имущественных прав собственниками и иными законными владельцами этого имущества, что приводит к теоретическим спорам по поводу фактического и юридического содержания понятий имущества, права на имущество и действий имущественного характера, в теории даже появились точки зрения о необходимости унификации

всех предметов, перечисленных в диспозиции ст. 163 УК РФ. Так, например, Г. Г. Чернобрисов предлагает отказаться от перечисления всех предметов вымогательства и описать предмет статьи как «безвозмездное предоставление имущественной выгоды» [113, с. 7]. Тем не менее, автору представляется такое предложение не совсем обоснованным, поскольку оно чрезмерно расширяет границы противоправности поведения лица, требующего такую выгоду.

Конечно, термин «имущественная выгода» используется в уголовно-правовом терминологическом аппарате. Так в одном из постановлений Пленума Верховного суда РФ разъясняется, что «под незаконным оказанием услуг имущественного характера судам следует понимать предоставление должностному лицу в качестве взятки любых имущественных выгод, в том числе освобождение его от имущественных обязательств (например, предоставление кредита с заниженной процентной ставкой за пользование им, бесплатные либо по заниженной стоимости предоставление туристических путевок, ремонт квартиры, строительство дачи, передача имущества, в частности автотранспорта, для его временного использования, прощение долга или исполнение обязательств перед другими лицами)» [5]. Понятие действий имущественного характера при совершении вымогательства раскрывается схожим образом в постановлении Пленума Верховного суда РФ «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)».

Необходимо согласиться с автором данного предложения в той части, что целью вымогательства является, в конечном счете, имущественная выгода. Однако в процитированном постановлении Верховный суд РФ четко указал рамки понятия «имущественная выгода», ориентируя правоприменителя на такое понимание действий виновного, при которых не происходит оплата им выполненных действий со стороны взяткодателя, которые при обычных условиях делового оборота подлежат оплате. Г. Г. Чернобрисов не предлагает легитимного закрепления содержания этого термина, что может повлечь излишне широкое его толкование правоприменителем. Так, например, требование поменяться рейсами на авиатранспорт разных авиакомпаний, адресованное лицу, получающему аналогичные финансовые преференции, по причине выгоды для предъявителя требований (начисление бонусных миль или предоставление иных льгот со стороны авиакомпании в случае пользования именно ее услугами) тоже можно рассматривать как имущественную выгоду для последнего. Однако вряд ли такие действия могут рассматриваться как вымогательство. Законодатель, перечисляя предметы ст. 163 УК РФ, ограничивает круг имущественных притязаний со стороны виновного, не позволяя бесконечно расширять его пределы любой финансовой выгодой, поскольку невозможно, да и нецелесообразно охранять нормами уголовного законодательства, предусматривающими ответственность посягательства на собственность, все существующие

формы правоотношений, предметом которых является имущественная выгода. В некоторых случаях такие действия могут содержать признаки иных составов преступлений. С предложенной формулировкой можно было бы согласиться, если бы были указаны пределы сущностной характеристики имущественной выгоды применительно к составу вымогательства, как, например, это сделал В. В. Хилюта, указав, что «имущественная выгода – это материальное благо, получаемое виновным с корыстной целью в результате совершения действий потерпевшим (или иным лицом) по безвозмездному выполнению работ, оказанию услуг или совершения иных действий, создающих стоимости либо освобождающих от материальных затрат» [112, с. 147].

Предмет вымогательства в виде имущества ничем не отличается от такового в хищении и обладает теми же самыми признаками. Это обусловлено гражданско-правовой природой имущества, которая во всех случаях и определяет его основные признаки.

Первым является **признак физического объекта**. Несмотря на то, что большинство форм хищения не могут посягать на имущество, не обладающее физической оболочкой, в отношении вымогательства это правило не действует. Собственно это указал сам законодатель, расширив предмет вымогательства за счет включения в него права на имущество и действия имущественного характера. Также на это обстоятельство указал Верховный суд РФ в своем постановлении: «К предмету вымогательства по смыслу статьи 163 УК РФ относится, в частности, чужое (то есть не принадлежащее виновному на праве собственности) имущество, а именно вещи, включая наличные денежные средства, документарные ценные бумаги; безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, а также имущественные права, в том числе права требования и исключительные права» [6].

Поэтому к предмету вымогательства могут относиться все виды интеллектуальной собственности. К таким относятся: 1) литературные, художественные и научные произведения; 2) результаты исполнительской деятельности артистов, звукозаписи, радиотелевизионных передач; 3) изобретения в любой области; 4) научные открытия; 5) промышленные образцы; 6) товарные знаки, знаки обслуживания, фирменные наименования и коммерческие обозначения; 7) защита против недобросовестной конкуренции; 8) все другие права, относящиеся к интеллектуальной деятельности в производственной, научной, литературной и художественной областях [1]. Исходя из сказанного к предмету вымогательства относят авторские и смежные права. Авторские права могут быть выражены в различных формах.

Не относятся к предмету вымогательства и информация, содержащаяся в компьютерных программах, а также информация, содержащаяся на машинных электронных носителях, если такая информация не является объектом исключительного права.

Мнение о том, что если информация зафиксирована на материальном носителе, то в таком случае она может быть предметом преступлений против собственности, нельзя поддержать. Следует различать объект информации, охра-

няемый государством в соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [3] и материальный носитель этого объекта информации. В настоящее время большие объемы информации требуют фиксации их для сохранения на материальные носители, к которым могут относиться как бумажные, так и электронные носители. В соответствии с указанным законом информация – это сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления [3]. Сведения нельзя отождествлять с носителем этих самых сведений. Поэтому такую точку зрения нельзя признать правильной. В случае совершения изъятия информационного носителя с самой информацией такие действия могут быть квалифицированы по совокупности как вымогательство в размере стоимости носителя информации и по ст. 146, 148 УК РФ и др.

Также не относят к предмету вымогательства электроэнергию и теплоэнергию. Однако требование выполнения работ по бесплатному подключению к сетям электро- или энергоснабжения должно квалифицироваться как вымогательство. Также как вымогательство должны расцениваться случаи требования освобождения от оплаты предоставленных услуг электро- и энергоснабжения.

Вещи как предмет вымогательства классифицируют на движимые и недвижимые; потребляемые и непотребляемые; делимые и неделимые; средства производства и предметы потребления. В отношении недвижимого имущества, такого как земельные участки, участки недр, жилые строения, необходимо говорить о требовании передачи права на имущество, поскольку сами эти объекты гражданского права передать физически виновному невозможно. Так, например, И. А. Клепицкий указывает, что «недвижимость не является предметом «традиционных похищений» – кражи, грабежа и разбоя, так как сам по себе захват недвижимости без оформления прав на нее не может рассматриваться в качестве хищения» [46, с. 12]. Н. В. Вишнякова вообще высказывает мнение о содержании физического признака предмета преступления против собственности следующего характера: «можно сделать вывод о том, что вещественный (материальный) признак предмета хищений состоит не в совокупности физических свойств предмета, а в отнесении данного предмета к имуществу, которое является объектом права собственности. Любое имущество, составляющее объект собственности, может быть похищено любыми способами или лишь некоторыми, т. е. одни виды имущества становятся предметом всех форм хищений, другие – лишь некоторых» [21, с. 128].

Традиционно большинство объектов недвижимого имущества могут являться предметом таких преступлений против собственности, как вымогательство и мошенничество.

В настоящее время с развитием средств электронных платежей часто в качестве средства оплаты выступают так называемые электронные денежные средства, которые являются одной из разновидностей безналичных денежных средств. Понятие электронных денежных средств связано с принятием Федерального закона от 27 июня 2001 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе». В нем указывается, что под электронными денежными средствами понимаются денежные средства, предоставленные плательщиком лицу, учитыва-

ющему их, для исполнения указанным лицом денежных обязательств плательщика перед получателем (п. 18 ст. 3). Этим же законом установлено, что переводы электронных денежных средств являются формой безналичных расчетов. Банковские карты (кредитные, расчетные и предоплаченные) являются видом электронного средства платежа [109, с. 72–73]. Безналичные денежные средства, содержащиеся на счетах владельцев, которыми осуществляются расчеты при помощи банковских карт, также являются предметом преступлений против собственности. Также они могут являться предметом и вымогательства, несмотря на то, что не обладают признаком вещественности. Если ранее вопрос хищения безналичных денег вызывал оживленные споры в литературе, то постановление Пленума Верховного суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» положило конец данным спорам, указав, что «в соответствии со статьей 140 Гражданского кодекса Российской Федерации платежи на территории Российской Федерации осуществляются путем наличных и безналичных расчетов, то есть находящиеся на счетах в банках денежные суммы могут использоваться в качестве платежного средства. Исходя из этого с момента зачисления денег на банковский счет лица оно получает реальную возможность распоряжаться поступившими денежными средствами по своему усмотрению, например осуществлять расчеты от своего имени или от имени третьих лиц, не снимая денежных средств со счета, на который они были перечислены в результате мошенничества. В указанных случаях преступление следует считать оконченным с момента зачисления этих средств на счет лица, которое путем обмана или злоупотребления доверием изъяло денежные средства со счета их владельца, либо на счета других лиц, на которые похищенные средства поступили в результате преступных действий виновного».

Вымогательство платежной карты не может расцениваться как оконченный состав преступления, предусмотренный ст. 163 УК РФ, поскольку сама карта стоимости практически не представляет и не является эквивалентом суммы, содержащейся на счете владельца. Она лишь удостоверяет факт наличия этих денежных средств на счете собственника и предоставляет возможность осуществления с ними финансовых операций. Оконченным в данном случае преступление будет лишь в случае похищения безналичных денежных средств со счета владельца. Действия, связанные с вымогательством платежной карты, необходимо расценивать как приготовление к последующему хищению. К такому выводу приводит содержание рекомендаций вышеуказанного постановления Пленума Верховного суда РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», в которых говорится, что «если лицо использовало похищенную или поддельную кредитную либо расчетную карту, но по независящим от него обстоятельствам ему не удалось обратить в свою пользу или в пользу других лиц чужие денежные средства, содеянное в зависимости от способа хищения следует квалифицировать как покушение на кражу или мошенничество по части 3 статьи 30 УК РФ и соответствующей части статьи 158 или статьи 159 УК РФ».

К безналичным денежным средствам можно приравнять и систему скидок (бонусы), получаемые клиентом в различных сетях торговых организаций. Поскольку данные бонусы являются эквивалентом денежных средств при операциях оплаты товара, вымогательство бонусов также необходимо оценивать по ст. 163 УК РФ.

Следующим является **экономический признак**. Данный признак означает, что материальный предмет посягательства имеет определенную рыночную стоимость, которая выражается в его цене, а также способен удовлетворять определенные потребности человека.

В данном признаке выделяются меновая и потребительская стоимость имущества. Потребительская стоимость – это способность вещи удовлетворять те или иные человеческие потребности [15, с. 133]. Этот признак означает, что в случаях, когда вещь утратила свои потребительские качества как товара с точки зрения хозяйственной ценности и выведена добровольно собственником из фонда наличного имущества (выброшена), такая вещь не может быть предметом вымогательства.

При этом не имеет значение, потребности какого количества человек может удовлетворять то или иное имущество. Даже если оно способно удовлетворять потребности узкого круга людей или даже одного человека, такое имущество должно оцениваться как предмет вымогательства. Также не имеет значение содержание потребностей, которые может удовлетворять имущество. Даже если с точки зрения большинства членов общества эти потребности являются аморальными, все равно имущество должно признаваться предметом преступления. Исключение составляют такие предметы, оборот которых ограничен или запрещен на территории России. Нарушение нормативных актов по соблюдению правил оборота таких предметов может образовывать самостоятельный состав преступления. Вымогательство таких предметов, соответственно, должно оцениваться не как преступления против собственности, а по другим статьям (ст. 226, 229 УК РФ).

Меновая стоимость предмета вымогательства представляет собой результат вложения труда человека в собирание, выращивание, содержание и производство имущества. Поскольку в современных условиях рыночной системы труд человека может быть оценен в денежном эквиваленте, он представляет собой определенный денежный эквивалент, т. е. цену. Данный подход былработан советскими учеными-правоведами на основании экономических исследований К. Маркса. Так, в одной из работ того времени указывается, что «советская политическая экономия, опираясь на экономическое учение К. Маркса, давно уже выработала стабильный, научно обоснованный критерий отнесения предметов материального мира к категории имущества, товара, признавая в качестве такового приложение к предмету общественно необходимого труда, наделяющего его свойством меновой стоимости и ее денежным выражением – ценой» [22, с. 16]. Иными словами меновая стоимость предполагает, что имущество может быть предметом гражданского оборота, что оно вовлечено в орбиту товарно-денежных отношений и имеет рыночную стоимость.

Некоторые ученые справедливо отмечают, что в действующем УК РФ нет указания на обязательность экономической, стоимостной оценки собственности (и чужого имущества как предмета преступлений против собственности). Поэтому все, что собственник по любым субъективным основаниям считает своей собственностью, а не чужим имуществом, даже если оно в данный момент не включается в имущественный оборот, может считаться его абсолютным правом собственности и может быть предметом преступлений против собственности [13, с. 55–56]. Действительно, в настоящее время правоприменительная практика складывается таким образом, что рыночная стоимость предмета преступления устанавливается далеко не во всех случаях. Очень часто стоимость предмета хищения или вымогательства устанавливается со слов потерпевшего. Однако необходимо отметить, что в последнее время все чаще предъявляются требования о необходимости проведения по данной категории уголовных дел товароведческих экспертиз и товароведческих оценок по определению рыночной стоимости вещи.

Как было сказано, несмотря на тот факт, что имущество может быть не распространено на рынке товаров, если оно способно удовлетворять чьи-либо потребности, оно должно подлежать охране нормами уголовного законодательства. Между тем в литературе правильно было отмечено, что предметом хищения будет все же выступать не любая вещь, а только та, которая обладает экономической ценностью, выражающейся в рыночной цене. Поэтому изъятие имущества, которое способно удовлетворять потребности конкретного потерпевшего, но не представляет рыночной стоимости, либо обладает минимальной стоимостью, не представляет собой преступления, в связи с малозначительностью таких действий [21, с. 128–129].

Именно признак вложенности человеческого труда позволяет разграничивать при квалификации преступления против собственности с экологическими преступлениями. До тех пор, пока природный ресурс, к которым относят компоненты природной среды (земля, недра, почвы, поверхностные и подземные воды, атмосферный воздух, растительный, животный мир и иные организмы) [4] находятся в состоянии естественной свободы или произрастают в естественных природных условиях без вложения труда человека, они считаются предметом экологических преступлений. С момента вложения труда человеком (рабочей силы), направленного на обособление природных ресурсов от среды их естественного обитания, последние приобретают качество товара на основе экономического учения о стоимостной сущности производительных сил в системе производственных отношений.

С того момента, как дикое животное становится добычей в результате охоты (попадает в капкан или ловушку), рыба попадает в сеть, растение отделяется от корня посредством человеческого труда, они становятся предметом гражданских отношений и собственностью. Соответственно с этого момента они могут быть преступлением против собственности, в том числе и вымогательства.

В связи с этим выращенные в домашних условиях животные сразу приобретают свойства имущества, а дикие – с момента их добычи. Также не могут

быть предметом преступлений против собственности природные компоненты и комплексы, которые произрастают или живут в естественных природных условиях, но на поддержание которых расходуются материальные средства или вкладывается человеческий труд. К таким можно отнести природно-антропогенные объекты – природные объекты, измененные в результате хозяйственной и иной деятельности, и (или) объекты, созданные человеком, обладающие свойствами природного объекта и имеющие рекреационное и защитное значение [4]. К таковым можно отнести, например, лесопарковые полосы (лес, измененный человеком для отдыха горожан), водоохранные полосы и т. п. Несмотря на то, что в поддержание нормального существования данного объекта вкладываются материальные и трудовые средства, данный объект не теряет устойчивой связи с природной средой и не обособливается человеком, а лишь частично видоизменяется или улучшается для удовлетворения рекреационных или иных потребностей человека. Поэтому такой объект продолжает оставаться предметом экологических преступлений.

В случаях, когда компоненты природной среды носят условно-экологический характер, они являются включенными в товарно-производственный цикл, а потому посягательства на них должны оцениваться как посягательства на собственность. К таким относятся случаи выращивания животных в естественных условиях для дальнейшей реализации в качестве товарной продукции (выращивание рыб в отведенных естественных водоемах рыбопродуктивных хозяйств для дальнейшего отлова и т. п.).

В отношении земельных участков также возможно совершение вымогательства. Поскольку земельные участки могут выступать в качестве предмета гражданско-правовых отношений, в том числе купли-продажи, они обладают определенной рыночной стоимостью. В соответствии с п. 1 ст. 25 Земельного кодекса РФ права на земельные участки (в том числе и право собственности) возникают по основаниям, установленным гражданским законодательством, федеральными законами, и подлежат государственной регистрации. Наиболее распространенным основанием возникновения права частной собственности на землю выступают сделки купли-продажи, мены, дарения, пожизненного содержания с иждивением. Таким образом, право на земельный участок также может выступать в качестве предмета вымогательства. Такие случаи в судебной практике не являются редкими.

Следующим является **юридический признак**. Он означает, что предмет вымогательства должен быть объектом вещного права (относится к имуществу и правам на имущество), не изъятым из свободного гражданского оборота (относится к имуществу), и быть для виновного чужим.

В тех случаях, когда имущество изъято из свободного гражданского оборота, как указывалось выше, такие действия должны квалифицироваться по иным статьям УК РФ, а не как преступления против собственности.

Чужим является такое имущество, которое в момент совершения преступления находится в фактическом обладании либо собственности другого лица, и у виновного нет никаких, даже предполагаемых прав на это имущество. Стоит отметить, что легального определения понятия «чужое имущество»

в настоящее время нет. Ранее данное понятие раскрывалось в постановлении Пленума Верховного суда РФ от 25 апреля 1995 г. № 5 «О некоторых вопросах применения уголовного законодательства об ответственности за преступления против собственности». В нем разъяснялось, что чужим признается имущество, не находящееся в собственности или законном владении. Несмотря на то, что данное постановление утратило силу, его разъяснения применимы и в настоящее время. Необходимо только добавить, что на данное имущество должны быть права у другого лица, т. е. оно не должно быть бесхозным или брошенным.

Гражданско-правовые отношения собственности предполагают гарантированные права одной из сторон (управомоченных лиц) по пользованию, владению и распоряжению имуществом в пределах предоставленных им абсолютных или ограниченных прав, а с другой стороны (обязанных лиц) – соблюдение прав первой стороны и режим невмешательства в них.

Не обязательно, чтобы имущество, в отношении которого осуществляется вымогательство, находилось именно у собственника. Это имущество может быть передано последним во временное законное владение третьему лицу. Поскольку такой режим имущества не противоречит гражданскому законодательству, то требование передачи имущества или прав на него может предъявляться и лицу, в законном владении которого находится данное имущество.

Главное требование, чтобы виновное лицо осознавало, что имущество для него является чужим. Если виновный считает, что имеет законное право на имущество, которое он требует (возврат долга, передачу части оспариваемого имущества при расторжении брака), то такие действия не образуют вымогательства и требуют квалификации по иным статьям уголовного закона, например по ст. 330 УК РФ [88].

Поэтому не образуют состава вымогательства случаи, когда виновный изымает собственное имущество или даже чужое, ошибочно заблуждаясь, что обладает определенными правами в отношении данного имущества, тем самым ошибочно, вопреки правовому порядку реализует свои предполагаемые имущественные права. Следовательно, отсутствует состав вымогательства в случаях истребования обратно своего имущества из временного пользования других лиц, требование передачи обратно имущества, на которое в установленном законе порядке наложен арест.

Возникшая в литературе дискуссия по поводу возможности хищения собственного имущества, находящегося во временном пользовании другим лицом, с целью последующего предъявления требования о компенсации его стоимости, правильно была разрешена специалистами. Как правильно указал А. И. Бойцов: «такого рода случаи не колеблют правила о невозможности похищения собственного имущества, поскольку изъятие такого собственником в рассматриваемых случаях является лишь приготовлением к завладению материальными средствами, призванными возместить якобы причиненный мнимой утратой ущерб. Следовательно, в качестве предмета хищения здесь выступает все же не свое имущество, изымаемое собственником, а имущество другого лица, изымаемое под видом компенсации, т. е. опять-таки не свое, а чужое имущество»

[15, с. 199–200]. Далее он соглашается с мнением Б. С. Никифорова, что в данном случае такие действия необходимо квалифицировать как приготовление к мошенничеству.

Представляется, что такую квалификацию необходимо распространять и на случаи вымогательства имущества лицом, состоящим в створе с реальным собственником имущества, который потом планирует потребовать компенсацию. В этом случае фактический «вымогатель» должен нести ответственность за соучастие в мошенничестве.

По ст. 163 УК РФ должны квалифицироваться и те случаи, когда вымогательство осуществляется в отношении имущества, которое ранее было похищено или изъято противоправным образом. В данном случае приоритет отдается юридическому признаку, т. е. тому, что виновный осознает, что требует *чужое* имущество (несмотря на тот факт, что имущественный ущерб фактически не причиняется), тем самым обосновывается общественная опасность личности виновного и необходимость его исправления уголовно-правовыми средствами [67, с. 22].

Требование передачи имущества, которое захоронено вместе с умершим (например, золотые украшения) не образует состава вымогательства по причине отсутствия собственника такой вещи. Это обусловлено тем, что при захоронении такой вещи собственники добровольно отказываются от прав на нее и своими действиями выводят ее из наличного фонда своей собственности. С момента захоронения такое имущество становится бесхозным.

Еще одним признаком предмета посягательства в литературе называют **социальный признак**. Данный признак тесно переплетается с рассмотренным выше экономическим признаком, поскольку предполагает вложенность труда человека в создание, производство, содержание или обособление имущества. Было отмечено, что поскольку вложенный труд может быть оценен в стоимостном эквиваленте, он предопределяет рыночную стоимость имущества. Именно вложенный человеком труд является тем субстратом, который вовлекает имущество в орбиту товарно-денежных отношений, продуцируя возникновение в отношении него экономических и гражданско-правовых отношений. Таким образом, труд является основанием включения имущества в социальный контекст в виде возникающих правоотношений по поводу него.

Объективная сторона вымогательства выражена в виде требования передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких.

По объективной стороне, исходя из законодательного описания состава преступления, вымогательство складывается из двух элементов: предъявление требований имущественного характера и соответствующего содержания угрозы, подкрепляющей указанное требование [35, с. 85].

Требование как элемент объективной стороны подразумевает выраженное в ультимативной форме предложение, носящее категоричный характер, передать виновному лицу или лицам, в пользу которых действует последний, имущество, в результате чего виновные получают имущественную выгоду. Также требование может содержать в себе требование передачи прав на имущество или совершения действий имущественного характера, воспользовавшись которыми преступники также приобретают имущественную выгоду за счет пополнения личного имущественного фонда или, наоборот, за счет его нерасходования, что обусловлено непредоставлением потерпевшему эквивалентного возмещения.

В толковом словаре понятие «требование» определяется через такие синонимы, как просьба, распоряжение, домогательство, надоедливость, приставание, понуждение, принуждение, назойливость, неотвязность, неотступность, навязчивость, постоянное преследование [70, с. 328].

Близкими по значению к понятию «вымогать» являются тянуть, вытягивать. Добиваться получения чего-либо принуждением, угрозами, хитростью, обманом и т. п. [36, с. 586]

Из этого можно сделать вывод, что требование является неким деянием, протяженным во времени и направленным в будущее [23, с. 53]. То есть при вымогательстве достижение цели планируется в некоей отдаленности по времени от момента предъявления требования, что свидетельствует о дльщемся характере данного действия.

Требование может быть выражено любым доступным виновному способом. Это может быть устная, письменная формы, жесты, доведение до потерпевшего через других лиц и т. п. В конечном итоге сама форма требования для квалификации значения не имеет, главное установить, что она содержит в себе выраженную волю виновного и доступна для восприятия и понимания потерпевшим лицом. По содержанию требование должно иметь незаконный, необоснованный характер.

Требуя передачи имущества или права на имущество, сам преступник не совершает никаких действий, направленных на их изъятие. Требование вынуждает потерпевшего самого совершить действия по передаче виновному имущества или прав на имущество, в то время как виновное лицо после этого может фактически бездействовать и ждать выполнения своих незаконных требований.

Угроза при вымогательстве выступает способом совершения данного преступления, которое является имманентным свойством требования как такового [111, с. 47]. Требование при вымогательстве и угроза, которая подкрепляет это требование, являются составными частями единой логики совершаемых преступником действий. Угроза имеет своей целью оказать такое воздействие на потерпевшего, чтобы заставить совершить его действия, которые необходимы вымогателю, показать потерпевшему, что преступник не потерпит их неисполнения. Угроза и требование как бы находятся в единой диалектической взаимосвязи при вымогательстве, образуя своим сочетанием тот уровень общественной опасности, который позволяет такие действия расценивать как преступные [87, с. 28].

Угроза – запугивание, обещание причинить кому-нибудь неприятность, зло [70, с. 613]. Конкретные виды угрозы применительно к вымогательству указаны в диспозиции ст. 163 УК РФ.

В литературе высказывается точка зрения о том, что использование законодателем двух признаков при описании объективной стороны вымогательства является избыточным, поскольку усложняет ее. Так, А. Г. Безверхов считает, что криминологически необосновано использование признака «угроза», поскольку в этом случае не учитывается широкое распространение завуалированных форм организованного вымогательства с распределением ролей. Предъявление требования передачи имущества одним лицом, а высказывание угрозы другим лицом усложняет процесс доказывания связи между этими лицами, что препятствует привлечению виновных к уголовной ответственности [12, с. 308]. Аналогичную точку зрения высказывает Б. Т. Разгильдиев и предлагает «доказать лишь действия, совершенные с целью получения имущества либо права на имущество» [82, с. 37–39].

Поэтому при описании объективной стороны оба существующих признака предлагается заменить одним, раскрывающим противоправную сущность вымогательства – «требование» [86, с. 19–20] или «принуждение» [113, с. 13].

Однако замена существующей формулы вымогательства на указанные термины, на взгляд автора, не будет отражать юридических и криминологических особенностей этого состава. Использование одного термина «требование» неоправданно расширяет границы вымогательства. В этом случае любое требование, противоправное по содержанию, уже должно влечь за собой уголовно-правовую репрессию в отношении требователя. Требование будет по существу противоправным тогда, когда у лица, предъявляющего эти требования, отсутствуют правовые основания на это имущество. Но должно ли лишь одно требование, не подкрепленное возведенным в степень решимости намерением, влечь уголовную ответственность? Представляется, что нет. С криминологической точки зрения такие действия еще не обладают тем уровнем опасности, чтобы применять к лицу, высказавшему требование, уголовные репрессии. Правоохранительные органы и так, зачастую, действуют достаточно шаблонно при квалификации действий по уголовным делам, не вдаваясь в вопросы общественной опасности, малозначительности и содержания умысла. Такая формулировка диспозиции вымогательства позволит им привлекать к ответственности за фактически произнесенные требования без намерения. Верно отметила В. С. Минская, что «само требование, доведенное до сведения потерпевшего, независимо от способа и формы его предъявления (устно, письменно, по телефону, в форме вежливой просьбы или категорического приказа лично или через посредника и т. д.) не может причинить вред или поставить под угрозу причинения вреда блага личности. Только подкрепленное угрозами и в сочетании с ними требование передачи имущества нарушает психический покой личности» [60, с. 50].

При использовании только термина «принуждение», как верно отметил В. В. Хилюта, «возникают определенные сомнения относительно обоснованности привлечения к уголовной ответственности лиц за вымогательство в случае

лишь совершения одного принуждения. Объективных доказательства того, что лицо намеревалось противоправным образом завладеть чужим имуществом, выражая лишь понуждение кого-либо к передаче, не подкрепляя такое воздействие угрозой, не всегда можно найти в полной мере (как и не всегда это будет являться достаточным)» [112, с. 162].

Поэтому следует не согласиться с авторами вышеуказанных предложений. Формулировку диспозиции следует сохранить в формуле требование + угроза. Угроза конкретизирует характер поведения виновного, обосновывает его общественную опасность, отвечая на вопрос «почему это требование становится преступным», а также подчеркивает насильственный характер вымогательства.

Не возникает проблем в правоприменительной деятельности в случае, когда угроза носит конкретный, недвусмысленный характер. Однако встречаются случаи высказывания завуалированной угрозы, характер которой достаточно сложно оценить. Например, требования передачи имущества под угрозой «иначе плохо будет» или «сильно пожалеешь» дают достаточно широкий спектр понимания ее содержания. В связи с этим возникает вопрос о квалификации действий лица, высказывающего угрозу неопределенного характера. Основные проблемы правоприменительной практики возникают в этих случаях в связи с доказыванием содержания такой угрозы. Однако доказывание находится в уголовно-процессуальной плоскости и не имеет отношения к уголовно-правовой оценке действий виновного лица. В принципе, в доктрине уголовного права [43, с. 16] и в правоприменительной практике данный вопрос разрешен.

Например, Г. Н. Борзенков считает, что угроза при вымогательстве должна носить конкретный характер [16]. Также данный ученый считает, что характер высказываемой угрозы необходимо определять исходя из содержания слов преступника или конкретных его действий (демонстрацию огнестрельного и холодного оружия необходимо расценивать как угрозу убийством или причинения тяжкого вреда здоровью).

Ю. Ляпунов высказывает мнение, что в случаях высказывания угрозы, носящей неопределенный характер, необходимо учитывать все обстоятельства совершения преступления (высказывания угрозы), а именно места и времени совершения преступления, количество вымогателей, характер оружия и предметов, используемых при угрозе, субъективное восприятие угрозы потерпевшим и т. п. [58, с. 28]

Также в п. 21 постановления Пленума Верховного суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» сказано, что «В тех случаях, когда завладение имуществом соединено с угрозой применения насилия, носившей неопределенный характер, вопрос о признании в действиях лица грабежа или разбоя необходимо решать с учетом всех обстоятельств дела: места и времени совершения преступления, числа нападавших, характера предметов, которыми они угрожали потерпевшему, субъективного восприятия угрозы, совершения каких-либо конкретных демонстративных действий, свидетельствовавших о намерении нападавших применить физическое насилие, и т. п.

Если в ходе хищения чужого имущества в отношении потерпевшего применяется насильственное ограничение свободы, вопрос о признании в действиях лица грабежа или разбоя должен решаться с учетом характера и степени опасности этих действий для жизни или здоровья, а также последствий, которые наступили или могли наступить (например, оставление связанного потерпевшего в холодном помещении, лишение его возможности обратиться за помощью)» [7].

Сложности оценки такой угрозы при вымогательстве заключаются в отсутствии разъяснений в постановлении Пленума Верховного суда РФ «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» по данному поводу.

Представляется целесообразным при выяснении характера угрозы совершаемого вымогательства применять те же правила, которые предложены в постановлении Пленума Верховного суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». Верховный суд РФ предложил верные критерии, поскольку, исходя из перечисленных обстоятельств в постановлении, устанавливается умысел виновного лица, а также реальность восприятия этой угрозы потерпевшим.

Угроза насилием может состоять в обещании причинить побои, вред здоровью любой тяжести, включая тяжкий вред, а также лишения жизни потерпевшего. На это прямо указывает Верховный суд РФ вышеназванном постановлении «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)», говоря, что «вымогательство, предусмотренное частью 1 статьи 163 УК РФ, предполагает наличие угрозы применения любого насилия, в том числе угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью».

В качестве признаков угрозы можно выделить следующие: а) наличие; б) реальность; в) конкретность; г) персонифицированная направленность.

Наличие угрозы означает, что угроза действительно существует в какой-либо форме. Она должна быть высказана или иным способом продемонстрирована потерпевшему лицу.

Реальность угрозы означает ее осуществимость, реализуемость. В каждом конкретном случае признак реальности необходимо устанавливать индивидуально. Оценка реальности производится с учетом конкретной обстановки, наличия у виновного каких-либо предметов, личности виновного, интенсивности угрозы, субъективного восприятия потерпевшим и уровнем его восприимчивости. Реальной может быть признана угроза, которую виновный мог действительно реализовать.

Конкретность угрозы означает, что из ее содержания недвусмысленно вытекает намерение причинить вред потерпевшему.

Персонифицированная направленность означает, что угроза должна высказываться в отношении конкретного потерпевшего или потерпевших.

Отсутствие этих признаков не позволяет расценить угрозу как необходи-

мую для удовлетворения потерпевшим лицом корыстных интересов вымогателя, поэтому Верховный суд РФ также подчеркнул, что угроза, которой сопровождается требование при вымогательстве, должна восприниматься потерпевшим как реальная, то есть у него должны быть основания опасаться осуществления этой угрозы. Для оценки угрозы как реальной не имеет значения, выражено виновным намерение осуществить ее немедленно либо в будущем.

Угроза насилем является разновидностью психического насилия и выражается в угрозе любого физического насилия, например, побоев, причинения вреда здоровью и смерти. То есть законодатель подразумевает, что угроза может быть как насилем, не опасным для жизни и здоровья, так и опасным. При этом, поскольку угроза убийством, которая предусмотрена ст. 119 УК РФ, является необходимым признаком ч. 1 ст. 163 УК РФ, выступая в качестве одной из разновидностей угрозы, дополнительная квалификация по ст. 119 УК РФ не требуется и такие действия полностью охватываются ч. 1 ст. 163 УК РФ.

В литературе встречается мнение о том, что «угроза причинением физического вреда является наиболее острой формой психического насилия, но отнюдь не исчерпывающей всего его содержания. Последнее включает в себя угрозу причинения не только физического, но и материального или морального вреда» [15, с. 107].

Представляется, что такая позиция излишне расширяет понимание содержания насилия. Согласно толковому словарю В. И. Даля, «насилывать – насилить кого, силовать, принуждать, нудить к чему силой, неволить... Насилком, силою, насильно». То есть основой насилия является применение физической силы. Этой точки зрения придерживается большинство ученых [14, с. 150; 50, с. 41].

Угроза насилем будет присутствовать при вымогательстве и в случае угрозы применения сексуального насилия. Эта точка зрения поддерживается как в литературе, так и в правоприменительной деятельности. Поскольку сексуальное насилие в качестве составного признака включает физическое насилие или его угрозу, это охватывается содержанием нормы, предусматривающей ответственность за вымогательство.

Так, Асеков Р. Р. и Мингазов А. Р. 7 марта 2016 г., действуя из корыстных побуждений, с прямым умыслом, направленным на незаконное завладение чужим имуществом, находясь в камере Специального приемника Управления МВД России по г. Казани, введя в заблуждение относительно проигрыша, предложили находящемуся там же в камере К. В. Н. поучаствовать в азартной игре без производства ставки, т. е. безвозмездно. К. В. Н. согласился и после его проигрыша Асеков Р. Р. и Мингазов А. Р., в целях достижения совместного преступного умысла, незаконно потребовали у него денежные средства в сумме 200 000 руб., угрожая в случае отказа применить в отношении него насильственные действия сексуального характера [127].

Угроза уничтожением чужого имущества состоит в выраженном намерении виновного лица полностью уничтожить имущество потерпевшего или привести его в такое состояние, когда его восстановление будет нецелесообразно или существенно превышать затраты на восстановление по сравнению со стоимостью самого имущества.

Угроза повреждением чужого имущества характеризуется намерением виновного, которое он довел до сведения потерпевшего, привести в частичную негодность его имущество, при котором оно может быть отремонтировано, отреставрировано или восстановлено.

Угроза распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, представляет собой разновидность формы шантажа, т. е. запугивания потерпевшего угрозой предать огласке сведения, распространение которых для потерпевшего является нежелательным, поскольку такие сведения позорят его, его близких или компрометируют, и поэтому потерпевший хотел бы их сохранить в тайне [34, с. 34]. К ним можно отнести сведения о совершенном преступлении или правонарушении потерпевшим или его близкими, аморальных поступках и т. п. При этом не имеет значения истинный характер или нет содержат эти сведения. Даже если сведения соответствуют действительности, но потерпевший по каким-либо личным причинам их скрывает и не желает предавать огласке, угроза их распространения охватывается составом вымогательства.

Так, 31 января 2017 г. около 23 ч у Бусса М. В., находящегося около дома № 186 по ул. Богда в Октябрьском районе г. Красноярск, из корыстных побуждений, внезапно возник умысел, направленный на завладение чужим имуществом путем вымогательства. С этой целью Бусс М. В. высказал в адрес Кутовых Т. Г. заведомо незаконное требование о передаче ему автомобиля Toyota Camri Prominent, принадлежащего Кутовых Т. Г. При этом Бусс М. В., желая облегчить незаконное завладение имуществом Кутовых Т. Г., в подтверждение высказанного требования о передаче ему автомобиля, высказал в адрес Кутовых Т. Г. угрозу распространения позорящих ее сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам Кутовых Т. Г., а именно о распространении Кутовых Т. Г. наркотических средств. Опасаясь распространения позорящих ее сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам, заполнила договор купли-продажи принадлежащего ей автомобиля Toyota Camri Prominent. После чего Бусс М. В. завладел и распорядился автомобилем Кутовых Т. Г. по собственному усмотрению [129].

Угроза распространения иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких предполагает выраженное намерение предать огласке сведения, которые не порочат честь, достоинство и деловую репутацию потерпевшего или его близких,

но распространение этих сведений является нежелательным для них. К таким сведениям может относиться, например, тайна личного характера (тайна усыновления, банковская тайна, сведения о состоянии здоровья и т. п.). Верховный суд в своем постановлении указал, что «к иным сведениям, распространение которых может причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего либо его близких, относятся, в частности, любые сведения, составляющие охраняемую законом тайну. Распространение в ходе вымогательства заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство потерпевшего и (или) его близких или подрывающих его (их) репутацию, незаконное распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, разглашение тайны усыновления (удочерения) вопреки воле усыновителя, незаконное разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, образуют совокупность преступлений, предусмотренных соответствующими частями статей 128.1, 137, 155 или 183 и статьи 163 УК РФ».

Так, Тайшин А. В. совершил вымогательство в целях получения имущества в особо крупном размере при следующих обстоятельствах. В неустановленное время у Тайшина А. В., имеющего электронную базу конструкторско-технологической и бухгалтерской документации общества, чертежей изделий указанного общества, полученных им при неустановленных обстоятельствах, возник преступный умысел на предъявление незаконного требования к руководящим лицам данного общества о передаче ему денежных средств общества под угрозой распространения посторонним лицам имеющихся у него баз конструкторской и технологической документации данной фирмы, являющейся коммерческой тайной.

Далее Тайшин А. В. направил на электронный адрес исполняющего обязанности генерального директора общества файл, содержащий чертежи изделий завода, являющиеся коммерческой тайной, потребовав 10 млн руб. под угрозой распространения сведений о чертежах, являющихся коммерческой тайной фирмы, что повлечет последствия в виде подрыва деловой репутации, расторжения экономически выгодных сделок и причинения вследствие этого убытков, невозможности заключения таких сделок в будущем, неполучения прибыли [130].

Особенности сведений, распространением которых угрожает вымогатель, определяются, в первую очередь, субъективным восприятием потерпевшего. Одни и те же сведения разными людьми воспринимаются по-разному. Для одного их распространение будет безразличным, или нежелательным, но не в такой мере, чтобы он выполнил незаконные требования вымогателя. Для другого ценность конфиденциальности аналогичных сведений может быть настолько высока, что он будет вынужден уступить требованиям преступника.

Таким образом, шантаж заключается в угрозе распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут

причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких, которые лицо стремится сохранить в тайне [12, с. 308; 18, с. 27–28].

Сложным вопросом является уголовно-правовая оценка «нетрадиционной» угрозы. Как расценивать угрозу, которая не описана в норме, но содержит в себе не меньшую общественную опасность ее высказывания при требовании чужого имущества. Нынешняя редакция состава вымогательства не охватывает всех возможных видов угроз, которые могут использоваться преступником в стремлении получения имущественной выгоды.

Так, в 2005 г. разгорелась дискуссия по поводу следующего случая в судебной практике. В Заводоуковском районном суде рассматривалось уголовное дело по п. «а» ч. 2 ст. 163 УК РФ. Ш. и М. подошли на трассе к водителю автомобиля ЗИЛ. Ш. и М. сказали водителю, что за проезд по автодороге необходимо платить. Водитель ответил Ш., что едет из г. Новосибирска и платил деньги в г. Новосибирске. Пояснил, что в дороге ломалась машина и у него денег нет. Ш. ответил, что знает проблемы водителей и пояснил, что если сейчас не заплатит, то он позвонит в г. Заводоуковск и там произведут досмотр груза, тогда придется заплатить в виде штрафа большую сумму. Ш. разговаривал спокойно и пояснил, что нужно заплатить сейчас 500 руб. и можно будет ехать дальше без проблем. Водитель предложил 100 руб., но Ш. ответил, что этого мало и нужно заплатить 500 руб. Испугавшись, что могут возникнуть более серьезные последствия, водитель решил заплатить деньги и передал Ш. 500 руб. Угрозы применить насилие или уничтожить имущество не высказывались, реальное насилие или уничтожение, повреждение имущества не применялись. В связи с отсутствием признаков состава преступления, предусмотренного ст. 163 УК РФ государственный обвинитель от обвинения отказался, в связи с чем суд прекратил дело в этой части [120].

К сожалению, ограниченный спектр угрозы, которая фактически охватывает возможность только физического насилия, угрозы физического насилия, угрозы уничтожения и повреждения имущества, а также шантажа исключает из возможных способов совершения вымогательства угрозу нарушения прав и законных интересов лица, отказ от совершения действий в интересах этого лица, уничтожения важной информации, которая, как известно, не относится к имуществу, угроза подмены ребенка, создания неблагоприятных условий работы или учебы, угроза невозвращения домой и т. п. Мнение о том, что сюда же можно отнести и угрозу заражения вирусом смертельной болезни, на взгляд автора, является не совсем верным [112, с. 191]. Такую угрозу необходимо расценивать в рамках признака угрозы насилия, поскольку оказывается негативное воздействие на организм человека. Ведь аналогичным образом расцениваются действия виновного при совершении разбойного нападения, когда в организм потерпевшего помимо его воли вводится вещество, представляющее опасность для жизни или здоровья. Это официальная позиция Верховного суда РФ: «В случаях, когда в целях хищения чужого имущества в организм потерпевшего против его воли или путем обмана введено опасное для жизни или здоровья сильнодействующее, ядовитое или одурманивающее вещество с целью приведения потерпевшего в беспомощное состояние, содеянное должно квалифици-

роваться как разбой. Если с той же целью в организм потерпевшего введено вещество, не представляющее опасности для жизни или здоровья, содеянное надлежит квалифицировать в зависимости от последствий как грабеж, соединенный с насилием» [7]. Представляется, что введение опасных патогенов в организм человека ничем не отличается от введения вредных веществ, поэтому такие действия охватываются признаком насилия.

Тем не менее, очевидно, что необходимо законодательно устранять вышеназванную проблему, иначе значительное количество фактов шантажа выпадают из поля уголовно-правового регулирования, и потерпевший остается незащищенным в этих случаях, несмотря на высокую опасность такого воздействия на него.

На эту проблему неоднократно обращали внимание ученые в своих исследованиях. Так, В. В. Хилюта, анализируя данную проблему, приводит случай, когда лица снимали с автомашин государственные регистрационные номера, которые недалеко прятали и оставляли владельцу номер телефона, по которому предлагалось позвонить по поводу возврата номеров. Далее преступники требовали перечислить им определенную денежную сумму на телефон, после чего сообщали, где спрятан госномер [112, с. 194].

Стоит поддержать точку зрения о необходимости изложить диспозицию ст. 163 УК РФ следующим образом: «Вымогательство, то есть требование передачи чужого имущества или права на имущество или совершение других действий имущественного характера под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких, а равно под угрозой наступления иных неблагоприятных последствий для потерпевшего или его близких» [41].

В научной литературе можно встретить противоположную точку зрения, авторы которой считают, что любое воздействие на потерпевшего, в результате которого он вынужден выполнить имущественные требования виновного, образуют состав вымогательства. Так, например, В. В. Векленко пишет, что отсутствие прямого требования, изложенного в традиционной форме, не дает основания отрицать наличие вымогательства, если сущность выполняемых виновным неправомерных действий и сложившаяся обстановка принуждают потерпевшего передать имущество. Далее он ссылается на положение действовавшего ранее постановления Пленума Верховного суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе», где говорится о том, что вымогательство взятки в действиях должностного лица усматривается в том случае, если требование сопровождается угрозой совершения действий, которые могут причинить ущерб законным интересам гражданина либо поставить последнего в такие условия, при которых он вынужден дать взятку либо совершить коммерческий подкуп с целью предотвращения вредных последствий для его правоохраняемых интересов. Из этого положения автор дела делает вывод, что любое воздействие на потерпевшего даже в формах, не указанных в диспозиции вымогательства, образуют состав по-

следнего, если потерпевший ставится в такие условия, что вынужден выполнить требования вымогателя, чтобы избежать вредных последствий [19, с. 110].

Следует не согласиться с такой точкой зрения. Аналогичное положение о вымогательстве взятки содержится и в действующем постановлении пленума Верховного суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». Однако законодательная формулировка вымогательства исключает ответственность за любые формы принуждения к передаче имущества, которые не указаны в норме. Нельзя отождествлять вымогательство взятки и вымогательство как самостоятельный состав преступления. Очевидно, что Верховный суд РФ, понимая ограниченность формулировки состава вымогательства, расширил ее содержание за счет официального толкования. Такую возможность предоставляет содержание признака вымогательства взяточничества. Но ст. 163 УК РФ четко описывает способы вымогательства, за рамки которых правоприменитель выходить не имеет права. Тем не менее, необходимо согласиться с В. В. Векленко, что любое воздействие, которое вынуждает потерпевшего выполнить требования вымогателя должно влечь уголовную ответственность. Но для этого необходимо менять законодательное описание ст. 163 УК РФ. Правильно было отмечено, что поскольку содержание угрозы четко ограничено законом, обещание иных неблагоприятных последствий для лица, владеющего соответствующими предметами или правом на них, либо для его близких (ухудшение имущественного положения, ущемление трудовых прав и пр.) состава вымогательства не образует [38, с. 148].

Адресатом угрозы при вымогательстве может выступать не только сам потерпевший. Верховный суд РФ в своем постановлении говорит, что «потерпевшим от вымогательства может быть признан не только собственник или законный владелец, но и другой фактический обладатель имущества (например, лицо, осуществляющее охрану имущества либо имеющее к нему доступ в силу служебных обязанностей или личных отношений), которому причинен физический, имущественный или моральный вред», акцентируя внимание на том, что потерпевшим может быть лицо, которое фактически обладает в данный момент имуществом. Однако вымогательство, являясь сложным по конструкции составом преступления, состоит из двух признаков, образующих его объективную сторону. К ним относится, во-первых, требование, а во-вторых, угроза. Исходя из логического толкования нормы, необязательно, чтобы угроза при требовании была обращена непосредственно на то лицо, у которого требуют имущество. Угроза может быть обращена и на близких потерпевшему лиц, что вполне обосновано с точки зрения возможности оказания воздействия на поведение собственника имущества в желаемую сторону для виновного. Например, родители всегда готовы выполнять любые требования преступника ради безопасности своих детей, многие супруги поступят также ради безопасности друг друга. Поэтому адресатом угрозы может быть как сам потерпевший, так и его близкие.

К близким потерпевшего следует относить его близких родственников (супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья

и родные сестры, бабушка, внуки), родственников (все иные лица, за исключением близких родственников, состоящие в родстве с потерпевшим), а также лиц, состоящих в свойстве с потерпевшим, или лиц, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений.

Интересным является вопрос о наличии состава вымогательства в случае, когда лицо, предъявляющее требования передачи имущества, высказывает угрозы причинения вреда здоровью себе, зная о том, что его жизнь и здоровье дороги лицу, которому предъявляются требования. В литературе данный вопрос обходится стороной. В постановлении Пленума Верховного суда РФ также ничего об этом не сказано.

Так, 23 мая 2017 г. примерно Куракин А. С., находясь в состоянии алкогольного опьянения в квартире, где проживает со своей бабушкой, имея умысел на требование передачи чужого имущества, стал требовать у нее денежные средства в сумме 1 500 руб. Получив отказ в связи с отсутствием денежных средств, Куракин А. С. продолжил свои преступные действия, взял на кухне со стола нож и стал наносить себе порезы на руках, тем самым вынуждая бабушку выполнить его требования. Женщина, испугавшись за жизнь внука, испытывая моральное и душевное сопереживание, была вынуждена согласиться с незаконными требованиями Куракина А. С., но так как данной суммы у нее не было, передала ему 1 000 руб., с которыми Куракин А. С. скрылся с места преступления [128].

В данном приговоре суд необоснованно квалифицировал действия Куракина А. С. как вымогательство. Действительно, в уголовном законе при описании нормы, предусматривающей ответственность за вымогательство, не сказано ничего о том, кто должен быть адресатом угрозы применения насилия и, следуя буквальному толкованию, близкий человек может высказывать угрозу причинения вреда своим жизни и здоровью. Самое главное, чтобы эта угроза была такого характера, который лишает возможности выбора поведения потерпевшего и оказывала на него воздействие в решении передать имущество требующему лицу. Однако, анализируя признаки вымогательства, становится очевидно, что данный состав является двухобъектным и посягает, в первую очередь, на право собственности (основной объект) и одновременно на жизнь, здоровье, телесную неприкосновенность, честь, достоинство, деловую репутацию и пр. (дополнительный объект). В анализируемой ситуации действительно причиняется вред основному объекту посягательства, поскольку потерпевшая была вынуждена передать принадлежащее ей имущество виновному. Но отсутствует посягательство на дополнительный объект, который является обязательным признаком состава вымогательства и вред которому должен причиняться также в обязательном порядке. Наказуемым является посягательство на жизнь и здоровье другого человека, но за причинение вреда себе ответственность отсутствует, если это не являлось способом совершения другого преступления

(например, мошенничества с целью получения страховки или умышленного членовредительства с целью уклонения от исполнения обязанностей военной службы (ст. 339 УК РФ). В противном случае, если признать угрозу причинения вреда себе способом вымогательства, можно ситуацию довести до абсурда, распространив угрозу негативными последствиями себе и на другие признаки состава. Ведь очевидно, что если бы Куракин А. С. угрожал бабушке не причинением физического вреда себе, а, например, тем, что распространит о себе порочащие сведения и ей будет за него стыдно, в этой ситуации никто бы не признал его действия вымогательством. Поэтому суд в этой ситуации применил норму о вымогательстве по аналогии, не найдя никакой схожей нормы. Об этой проблеме упоминалось выше, когда рассматривался вопрос о том, что законодатель в нынешней редакции состава вымогательства криминализировал лишь малую часть возможных угроз, которые могут быть адресованы потерпевшему.

В случаях реального применения насилия в отношении близких потерпевшему лиц возникает вопрос о квалификации подобных действий: образуют ли они совокупность с вымогательством. Как было сказано выше, если насилие применяется к фактическому владельцу имущества, такие действия, за некоторыми исключениями, охватываются составом вымогательства и не требуют дополнительной квалификации. В случаях применения насилия или его угрозы к близким потерпевшего вопрос вызывает сложности.

Ранее такие действия дополнительной квалификации не требовали и полностью охватывались объективной стороной вымогательства. В настоящее время ответ на этот вопрос не так однозначен. Связано это с тем, что схожая ситуация возникает при квалификации действий виновного лица, который совершает изнасилование, применяя насилие в отношении близких потерпевшей лицам. В настоящее время Верховный суд РФ по этому поводу разъяснил, что «по смыслу статьи 17 УК РФ, если при изнасиловании или совершении насильственных действий сексуального характера в целях преодоления сопротивления потерпевшего лица применялось насилие или выражалась угроза применения насилия в отношении других лиц (к примеру, близкого родственника потерпевшей), такие действия требуют дополнительной квалификации по иным статьям Особенной части УК РФ» [8]. В упомянутом постановлении Пленума Верховного суда РФ о вымогательстве данный вопрос никак не урегулирован, что может повлечь разнообразие подходов в этом вопросе. Представляется, что рекомендации по половым преступлениям можно распространить и на состав вымогательства, поскольку насилие является также неотъемлемой чертой этого состава, насилие также является способом принуждения потерпевшего к совершению действий, которые необходимы виновному лицу. При этом затрагиваются права и свободы человека, который является как бы посторонним, не имеющим отношения к данной ситуации, поскольку не является владельцем имущества, а само по себе оно не интересно для вымогателя. Данное лицо лишь используется для оказания воз-

действия на фактического владельца имущества. Поэтому в данной ситуации целесообразно было бы квалифицировать такие действия по совокупности вымогательства с преступлениями против жизни и здоровья, что прямо указать в постановлении Пленума Верховного суда РФ.

Однако и в этом случае возникают некоторые проблемы. Связано это с тем, что в настоящее время состав побоев, которыми могут угрожать лицу, являющимся близким для потерпевшего, имеет конструкцию административной преюдиции и, соответственно, при совершении такого деяния впервые уголовной ответственности не влечет. Как оценивать такие действия, которые сами не являются уголовно наказуемыми. По логике диспозиции вымогательства насилие не обязательно должно быть уголовно наказуемым, главное, чтобы оно было способом совершения вымогательства. Тем не менее, поскольку постановление Пленума Верховного суда РФ «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» было принято до указанных изменений в УК РФ, связанных с изменением состава побоев, необходимо внести изменения в постановление, где разъяснить обозначенные спорные вопросы.

Моментом окончания вымогательства является момент предъявления преступником противоправных требований, независимо от того, удалось ему достичь желаемого результата или нет, и намерен ли вообще реализовать свою угрозу виновный. Однако указание лишь на одно требование как оконченого состава вымогательства еще недостаточно. Как правильно отметил А. И. Бойцов, «это положение отражает лишь часть существа дела. Действительно, факт наступления желаемого результата не значим для квалификации вымогательства в качестве оконченого преступления. Однако для признания вымогательства завершенным мало предъявить соответствующее требование. Необходимо еще, чтобы оно было получено и адекватно воспринято потерпевшим». На реальность угрозы при вымогательстве ориентирует и указанное постановление Пленума Верховного суда о вымогательстве.

Действительно, не каждое требование может дойти до адресата, и правильно им воспринято. Когда требование предъявляется посредством информационно-телекоммуникационных сетей, электронной почты или через других лиц, оно не всегда может быть доставлено предполагаемому потерпевшему. Или наоборот, требование может дойти до адресата, но не всегда может быть им воспринято реально и правильно. Владелец имущества может просто не воспринять требование и угрозу как реальные. Во многом это зависит от психотипа личности, психоэмоционального статуса, умения адекватно оценивать обстановку и реагировать на угрозы и т. п. Поэтому если владелец имущества не воспринимает высказанное требование и угрозу реально, то действия вымогателя нельзя квалифицировать как оконченный состав. В таком случае усматривается покушение на вымогательство.

4. Квалифицирующие признаки вымогательства

Квалифицирующие признаки вымогательства отягчают ответственность виновного лица в связи с их повышенной общественной опасностью в сравнении с основным составом преступления.

Пункт «а» части второй предусматривает ответственность за совершение вымогательства группой лиц по предварительному сговору. В соответствии со ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления. Отличительной особенностью такой группы является предварительная договоренность на последующие преступные действия. Правильно в литературе было отмечено: «Чтобы оценить хищение как квалифицированное по признаку совершения его по предварительному сговору группой лиц, необходимо установить, во-первых, что оно было совершено двумя или более лицами и, во-вторых, что между ними состоялся предварительный сговор на совместное его совершение» [22, с. 173].

Лица, состоящие в данной группе, в первую очередь, должны обладать признаками субъекта преступления. В литературе высказана точка зрения о том, что действия лица следует квалифицировать как совершенные группой независимо от того, по каким основаниям другие участники преступления не были привлечены к уголовной ответственности или были от нее освобождены [19, с. 205]. Ранее аналогичная позиция содержалась в постановлении Пленума Верховного суда РСФСР от 22 марта 1966 г. № 81 «О судебной практике по делам о грабеже и разбое», который разъяснял, что необходимо квалифицировать как совершенные группой лиц по предварительному сговору действия участника разбойного нападения или грабежа независимо от того, что остальные участники преступления в силу ст. 10 УК РСФСР или по другим предусмотренным законом основаниям не были привлечены к уголовной ответственности.

Кроме того, поскольку группа лиц по предварительному сговору является разновидностью соучастия, она должна обладать всеми объективными и субъективными признаками соучастия. Следует обратить внимание, что не любое соглашение может образовывать группу лиц по предварительному сговору. В литературе имеется точка зрения, что любое соучастие с предварительным соглашением образует группу лиц по предварительному сговору [28, с. 4]. Однако с такой точкой зрения согласиться нельзя. Группа лиц по предварительному сговору предполагает, что в преступлении участвовали не менее двух соисполнителей. На такое понимание ориентирует и позиция Верховного суда РФ, указавшего, что «в случаях, когда согласно предварительной договоренности между соучастниками вымогательства в соответствии с распределением ролей каждый из них совершает отдельное действие, входящее в объективную сторону вымогательства (высказывает требование либо выражает угрозу, либо применяет насилие), все они несут уголовную ответственность за вымогательство, совершенное группой лиц по предварительному сговору. Если лицо осуществ-

ляет заранее обещанные передачу исполнителю преступления полученного в результате вымогательства имущества или оформление прав на него, то, при отсутствии признаков участия в составе организованной группы, его действия квалифицируются как пособничество по соответствующей части статьи 163 УК РФ и части 5 статьи 33 УК РФ». В постановлении Пленума Верховного суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» даны аналогичные рекомендации по квалификации: «Если организатор, подстрекатель или пособник непосредственно не участвовал в совершении хищения чужого имущества, содеянное исполнителем преступления не может квалифицироваться как совершенное группой лиц по предварительному сговору. В этих случаях в силу части третьей статьи 34 УК РФ действия организатора, подстрекателя или пособника следует квалифицировать со ссылкой на статью 33 УК РФ». Также действующее постановление Пленума Верховного суда РФ «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» дает разъяснения аналогичного характера: «В случаях, когда согласно предварительной договоренности между соучастниками вымогательства в соответствии с распределением ролей каждый из них совершает отдельное действие, входящее в объективную сторону вымогательства (выделено автором) (высказывает требование либо выражает угрозу, либо применяет насилие), все они несут уголовную ответственность за вымогательство, совершенное группой лиц по предварительному сговору». Правильно указал в свое время Р. Р. Галиакбаров: «В отличие от сложного соучастия, неотъемлемым признаком которого также является участие в преступлении двух или более лиц, обладающих юридическими показателями субъекта преступления (статьи 19–23 УК РФ), в групповом преступлении участники выступают только в роли исполнителя и соисполнителей» [26, с. 56].

Каждый из соучастников не должен в обязательном порядке выполнять полностью объективную сторону состава преступления. Данное положение давно устоялось в теории уголовного права и правоприменительной практике. Так, Верховный суд РФ разъяснил, что «убийство признается совершенным группой лиц, когда два или более лица, действуя совместно с умыслом, направленным на совершение убийства, непосредственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего, применяя к нему насилие, причем необязательно, чтобы повреждения, повлекшие смерть, были причинены каждым из них (например, один подавлял сопротивление потерпевшего, лишал его возможности защищаться, а другой причинил ему смертельные повреждения)» [9]. Аналогичного характера разъяснения были даны по вопросам квалификации краж, грабежей и разбоев: «Исходя из смысла части второй статьи 35 УК РФ уголовная ответственность за кражу, грабеж или разбой, совершенные группой лиц по предварительному сговору, наступает и в тех случаях, когда согласно предварительной договоренности между соучастниками непосредственное изъятие

имущества осуществляет один из них. Если другие участники в соответствии с распределением ролей совершили согласованные действия, направленные на оказание непосредственного содействия исполнителю в совершении преступления (например, лицо не проникало в жилище, но участвовало во взломе дверей, запоров, решеток, по заранее состоявшейся договоренности вывозило похищенное, подстраховывало других соучастников от возможного обнаружения совершаемого преступления), содеянное ими является соисполнительством и в силу части второй статьи 34 УК РФ не требует дополнительной квалификации по статье 33 УК РФ» [7]. По этому поводу и Р. Р. Галиакбаров заметил, отмечая особенности действий лиц в групповом преступлении: «эта роль, с учетом иных объективных показателей группового преступления, может воспроизводить все признаки, предусмотренные в ч. 2 ст. 33 УК РФ (признаки исполнителя преступления) или же повторять их в более или менее завершенном виде, когда отдельные участники группового преступления выполняют лишь часть действий, охватываемых показателями объективных признаков конкретного преступления. Подчеркнем, что это единственный стабильный показатель, который позволяет четко отграничивать групповое преступление от проявлений сложного соучастия (организации, подстрекательства, пособничества)» [26, с. 56].

Группа лиц по предварительному сговору предполагает наличие договоренности на совершение преступления. Сговор по содержанию предполагает достижение договоренности между соучастниками на совместное совершение преступления. Он может быть достигнут любым способом: устное соглашение, письменная форма, конклюдентные действия и пр. Главное, чтобы соучастники осознавали, что они должны совместно совершить преступление, осознавали характер этого преступления и его возможные последствия.

Сговор может касаться любых сторон предполагаемого преступления: его характера и вида, времени, места способа и средств его совершения, размера средств и вида имущества, которые будут вымогаться у потерпевшего.

Необязательно, чтобы происходило тщательное планирование и детальная договоренность о предполагаемом преступлении. Достаточно, чтобы сговор касался юридически значимых признаков данного состава преступления. То есть, договоренность может касаться общих вопросов, а именно только самого вида преступления и личности потерпевшего. Для признания в таких случаях вымогательства, совершенного группой лиц по предварительному сговору, этих обстоятельств достаточно. Это положение соотносится с общей теорией соучастия в преступлении, поскольку в результате такой договоренности формируются общие субъективные признаки соучастия.

Предварительная договоренность означает, что она состоялась заранее, до момента выполнения совершения преступления, т. е. совершения действий, образующих юридически значимые признаки объективной стороны данного состава преступления. Такая договоренность может состояться на стадии приго-

товления к преступлению, когда лицо приискивает соучастников для совершения данного преступления, или они совместно планируют совершение вымогательства. Однако стадия приготовления как таковая может отсутствовать. Лица могут достичь соглашения, обменявшись буквально одной фразой, и после этого приступить к реализации совместного умысла.

Исходя из особенностей момента окончания вымогательства, необходимо, чтобы лицо, являющееся соисполнителем преступления, совершало действия, связанные либо с требованием передачи имущества, имущественных прав или совершения действий имущественного характера, либо сопряженные с угрозой потерпевшему. Это связано с тем, что вымогательство окончено с момента предъявления требований, независимо от факта достижения преступной цели. Другие действия, лежащие за рамками состава преступления, не образуют его объективную сторону. Поэтому действия лица, которое только забирает вымогаемое имущество, не выполняя других признаков преступления, нельзя квалифицировать как соисполнительские действия, поскольку они лежат за рамками объективной стороны вымогательства. Такое поведение необходимо оценивать как пособнические действия, если они были заранее обещаны другому соучастнику. Однако, если такие действия являются логическим продолжением предварительной преступной деятельности, когда такое лицо участвовало в совершении самого преступления, то оно должно нести ответственность за соучастие.

Неоднозначно решается вопрос оценки групповой формы совершения преступления в тех случаях, когда один из соучастников согласно предварительной договоренности присутствует вместе со вторым соучастником на месте преступления, однако не выполняет действий, входящих в объективную сторону вымогательства. Сложность данного вопроса уже давно была отмечена в научной литературе [27, с. 60–63]. В правоприменительной же деятельности встречаются диаметрально противоположные решения. В одном случае Верховный суд РФ признал соучастников грабежа соисполнителями, указав, что для ответственности за преступление, совершенное группой лиц по предварительному сговору, не требуется, чтобы каждый участник принимал непосредственное участие в данном преступлении. Поскольку между ними состоялся предварительный сговор, действовали они согласованно, поровну разделили похищенное, несмотря на то, что непосредственно изымал деньги один из преступников, такие действия образуют соисполнительство [121, с. 4]. В другом случае Верховный суд РФ посчитал, что признаки соисполнительства отсутствуют, поскольку нападение на потерпевшего с целью завладения его имуществом совершил только один из соучастников [122, с. 10, 11].

Ученые высказывают различные мнения относительно того, будет в этом случае соучастие или оно будет отсутствовать. А. В. Шеслер считает, что «В связи с этим следует отметить следующее: если считать соисполнителями

преступления тех, кто во время и на месте совершения преступления оказывает содействие лицам, выполняющим объективную сторону определенного состава преступления, то невозможно будет установить отличие между соисполнителями и лицами, действиям которых уголовный закон придает различную общественную опасность, различное юридическое значение и которых называет исполнителями, организаторами, подстрекателями и пособниками (ч. 1 ст. 33 УК РФ). По этой причине следует поддержать те решения судов, в которых соисполнителями преступления следует считать лиц, полностью или частично выполнивших объективную сторону конкретного состава преступления» [115, с. 39]. Аналогичную точку зрения занимает Р. Р. Галиакбаров, говоря о том, что не может квалифицироваться как совместное совершение посягательства такое поведение лица, которое по времени совпадает с действиями исполнителя, но не содержит признаков непосредственного выполнения действий, охватываемых объективной стороной состава преступления [26, с. 67]. Схожую позицию занимают и другие специалисты [17, с. 186; 74, с. 61, 62; 77, с. 14; 91, с. 67].

Противники указанной позиции считают, что нахождение на месте преступления, обусловленное предварительной договоренностью, образует соисполнительство. Так, Э. С. Тенчов указывал: «В состав группы лиц, по предварительному сговору угнавших транспортное средство, входят соисполнители, которыми следует признавать как лиц, которые производили завладение таким средством, его угон, так и лиц, которые принимали участие в поездке на угнанном транспорте, независимо от того, кто из них находился за рулем и управлял транспортным средством. Предполагается, что сговор этих лиц был достигнут до начала выполнения объективной стороны рассматриваемого деяния» [94, с. 236]. В некоторых случаях данную позицию поддерживает Верховный суд РФ.

Например, как действия соисполнителей были расценены действия виновных в двух разбойных нападениях. Г. и М. вступили в сговор с целью совершения разбойного нападения на предпринимателя А. При этом они договорились, что М., вооруженный пистолетом, нападет на А. и отберет у него деньги, а Г. будет наблюдать за обстановкой и при появлении посторонних лиц предупредит его об опасности. 5 ноября 2000 г., увидев, что потерпевший получил в кассе деньги, М. выстрелил ему в спину из пистолета, после чего завладел деньгами. 24 декабря 2000 г. М. и Г. решили совершить нападение на продовольственный магазин «Садко». Когда из него вышел последний покупатель, М. зашел в магазин, наставил на продавцов пистолет и, угрожая применением насилия, опасного для жизни и здоровья, похитил из кассы деньги в сумме 1 200 руб. В обоих случаях Г. во время нападения находился рядом, чтобы при появлении посторонних лиц предупредить М. об опасности. Похищенные деньги они поделили между собой. По приговору суда Г. осужден среди прочего по двум эпизодам по ч. 2 ст. 162 УК РФ.

Президиум Верховного суда РФ подтвердил приговор в части признания Г. и М. соисполнителями, отметив, что при совершении каждого из нападений Г. во исполнение отведенной ему роли, обусловленной предварительным сго-

вором, находился поблизости от места преступления и наблюдал за окружающей обстановкой, чтобы при появлении посторонних лиц своевременно предупредить другого соучастника о возможном обнаружении совершаемого ими преступления. Исходя из смысла закона, если лицо в соответствии с распределением ролей совершило согласованные действия, направленные на оказание непосредственного содействия исполнителю в совершении преступления, то содеянное им в этом случае является соисполнительством и квалифицируется без ссылки на ст. 33 УК РФ. Таким образом, действия Г., связанные с его участием в разбойных нападениях на А. и на магазин «Садко», обоснованно квалифицированы по ч. 2 ст. 162 УК РФ как соучастие в преступлениях в форме соисполнительства [126].

Ю. Е. Пудовочкин занимает несколько иную позицию. Он считает, что необходимо анализировать в целом характер предварительной договоренности, характер действий виновных на месте преступления и после его совершения [81, с. 8, 9].

Фактическое содержание ч. 2 ст. 33 УК РФ не дает возможности признавать соисполнителем преступления лицо, которое не выполняло никаких действий, направленных на выполнение объективной стороны преступления. Поскольку исполнителем признается лицо, непосредственно совершившее преступление либо непосредственно участвовавшее в его совершении совместно с другими лицами (соисполнителями), это означает, что лицо должно совершать действия, связанные с выполнением каких-либо признаков объективной стороны состава преступления. Пассивное нахождение рядом с лицом, которое совершало преступление, пусть даже по предварительной договоренности, не дает возможность оценивать поведение ничего не предпринимающего лица, как действия соисполнителя. Такое расширительное толкование исключает возможность добровольного отказа от преступления одного из соисполнителей преступления. Ведь лицо может уже на месте совершения преступления передумать и не «подключаться» к действиям другого исполнителя. Субъективное и объективное содержание такого поведения должны оцениваться по правилам добровольного отказа. Мнение о том, что простое нахождение на месте совершения преступления рядом с исполнителем должно влечь уголовную ответственность за соисполнительство исключает такую возможность, что противоречит положениям УК РФ.

Другое дело, когда лицо, фактически не выполнявшее каких-либо действий, но находившееся рядом, даст показания, что от совместного умысла на преступление не отказывалось, а стояло рядом, готовое при необходимости прийти сразу на помощь. Допустим, когда при вымогательстве требования предъявляет и высказывает угрозу только одно из лиц, а второе, по предварительной договоренности, находится рядом и впоследствии даст показания, что готово было оказать помощь сразу же в случае необходимости, понимало, что его присутствие оказывает дополнительное воздействие на потерпевшего, что

потерпевший воспринимает его как лицо, действующее совместно со вторым соучастником. Такие вопросы лежат больше в плоскости проблем доказывания. Однако с точки зрения института соучастия ничто не препятствует признанию такого лица соучастником.

Еще одним сложным вопросом соучастия является вопрос совместного совершения преступления лицом, обладающим признаками субъекта преступления, и лицом, не подлежащим уголовной ответственности в силу отсутствия таких признаков.

В силу того, что в настоящее время из всех постановлений Пленума Верховного суда РФ исключены рекомендации по квалификации подобной ситуации, в теории уголовного права обострилась дискуссия по этому поводу. Ранее Верховный суд считал, что такое совместное совершение преступления образует признаки соисполнительства и, соответственно группу лиц (см.: п. 10 постановления Пленума Верховного суда СССР от 25 марта 1964 г. № 2 «О судебной практике по делам об изнасиловании»; п. 19 постановления Пленума Верховного суда РФ от 22 марта 1966 г. № 31 «О судебной практике по делам о грабеже и разбое»; п. 9 постановления Пленума Верховного суда РФ от 22 апреля 1992 г. № 4 «О судебной практике по делам об изнасиловании»).

Одни авторы считают, что действия одного субъекта необходимо квалифицировать как группу лиц, несмотря на то, что другие участники, выполнявшие с ним объективную сторону состава преступления, не подлежат уголовной ответственности в силу невменяемости или недостижения возраста ответственности. В данном случае групповое совершение преступления рассматривается как объективный показатель совершения хищения несколькими лицами, а не как форма соучастия [29, с. 292]. Такая точка зрения обосновывается повышенной опасностью такого совместного совершения преступления. Это связано с тем, что в таких случаях, несмотря на то, что одно из лиц не подлежит уголовной ответственности, преступления отличаются большей дерзостью и циничностью, второй соучастник более решителен, рассчитывая на помощь второго лица, в таких случаях менее возможен добровольный отказ, а достижение преступного результата становится более вероятным, ущерб от таких преступлений, как правило, больше и т. п. [85, с. 51–53; 25, с. 40; 24, с. 100–104]

Другие авторы считают, что подобные действия не образуют группового преступления и действия лица, подлежащего уголовной ответственности, необходимо квалифицировать, при отсутствии иных квалифицирующих признаков, по ч. 1 соответствующей статьи УК РФ, т. е. без вменения признака совершения преступления группой лиц [44, с. 44–46; 49, с. 99–100; 117, с. 40–43].

Следует поддержать вторую точку зрения. Поскольку разъяснения Верховного суда РФ по этому поводу отсутствуют, необходимо обратиться к положениям закона, регламентирующим институт соучастия в преступлении. Согласно ст. 32 УК РФ соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. Очевидно, что законодатель имел в виду лиц, которые обладают признаками

субъекта преступления, о чем свидетельствуют положения ст. 19–21 УК РФ. Поэтому нельзя привлекать лицо, совершившее преступление совместно с другими лицами, не подлежащими уголовной ответственности, с вменением квалифицирующего признака «группа лиц». Конечно, как было указано выше, правы те авторы, которые указывают на повышенную общественную опасность такого посягательства, но иное решение противоречило бы положениям УК РФ. Выход из этой ситуации видится в рациональном предложении, высказанном П. Яни: «использование подлежащим ответственности лицом (независимо от того, осознает ли оно соответствующие обстоятельства) при совместном с ним совершении действий, содержащих состав преступления, лица, не подлежащего уголовной ответственности в силу названных в ч. 2 ст. 33 УК РФ причин, законодателю следовало бы отнести к квалифицирующим признакам преступления, не уступающим по степени общественной опасности применению в целях усиления поражающей мощи посягательства оружия либо предметов, используемых в качестве оружия» [117, с. 43]. Другими словами, необходимо предусмотреть такой вариант преступления в качестве квалифицирующего признака, который адекватно бы отражал степень общественной опасности совместного совершения преступления.

Следующий квалифицирующий признак предусмотрен п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ. Он влечет более строгую уголовную ответственность за совершение вымогательства с применением насилия.

Насилие, как уже было сказано выше, представляет собою физическое воздействие на организм потерпевшего с целью принуждения выполнить требуемые от него действия. Законодатель не уточнил характер насилия, указанного в квалифицирующем признаке, поэтому насилие при вымогательстве может быть как опасным, так и не опасным для жизни и здоровья потерпевшего [30, с. 430].

Насилие не опасное для жизни и здоровья представляет собой побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы (связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др.) [7]. Таким образом, самым опасным последствием при насилии, не опасном для жизни и здоровья, может быть телесное повреждение, не повлекшее кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты трудоспособности [89, с. 141].

Насилие, опасное для жизни и здоровья потерпевшего, – действия, которые повлекли последствия, предусмотренные ст. 111, 112 и 115 УК РФ. Помимо этого опасным признается насилие, которое хотя и не повлекло последствий, предусмотренных указанными статьями, но в момент применения создавало реальную опасность для жизни потерпевшего.

Пунктом «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ охватывается только причинение легкого

и средней тяжести вреда здоровью. Это следует из того, что причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего предусмотрено в качестве самостоятельного квалифицирующего признака в п. «в» ч. 3 ст. 163 УК РФ. Следовательно, п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ предусматривает насилие над потерпевшим, которое повлекло любые последствия до вреда здоровью средней тяжести включительно. При этом дополнительной квалификации по статьям, предусматривающим ответственность за причинение вреда здоровью, не требуется, поскольку насилие является конструктивным признаком квалифицированного состава и уже влечет более строгую ответственность в сравнении с основным составом вымогательства.

Пункт «г» ч. 2 ст. 163 УК РФ в качестве квалифицирующего признака предусмотрел совершение вымогательства в крупном размере. Стоимость имущества устанавливается исходя из рыночной стоимости имущества, которое явилось предметом преступления. В первую очередь необходимо ориентироваться на имеющиеся документы, подтверждающие его стоимость. К ним можно отнести товарные чеки, договор купли-продажи и т. п. При отсутствии таких необходимо исходить из среднерыночных цен на это имущество. В случаях возникновения сомнений относительно его стоимости необходимо назначать товароведческую оценку или экспертизу этого имущества.

Стоимость иностранной валюты, как правило, исчисляется в рублях по курсу Центробанка России на день совершения сделки с нею. Н. А. Лопашенко пишет, что «на разных территориях страны фактическая продажная стоимость иностранной валюты через уполномоченные банки может быть выше официального курса Центробанка. При хищении крупной суммы иностранной валюты расхождения в стоимости рублевого эквивалента могут быть значительными, иногда – если речь идет о вменении признака «крупный размер хищения» или «особо крупный размер хищения» – решающими для квалификации. Небезразличен этот вопрос и для потерпевшего, которому должен быть возмещен ущерб. Какая же стоимость иностранной валюты должна приниматься во внимание: установленная Центробанком или средняя местная, несколько отличная от официальной? Думаю, во внимание должна приниматься стоимость иностранной валюты в том регионе, где совершено хищение. А так как она, как правило, разная в банковских учреждениях даже одного населенного пункта, следует рассчитывать и учитывать при квалификации среднюю стоимость иностранной валюты в этом регионе на день совершения хищения» [54]. С данной точкой зрения согласиться нельзя. Потерпевший равным образом может приобрести валюту в коммерческом банке, где ее стоимость может значительно превышать курс, установленный Центробанком РФ. В этих случаях необходимо исходить из фактического курса, по которому производился расчет с потерпевшим при покупке валюты, а не средней цены по региону. Противоположное решение может существенно улучшить или ухудшить положение виновного (в частности, когда средний курс стоимости валюты будет влиять на наличие или отсутствие квалифицирующих признаков), а также снизить стоимость

имущества и нарушить имущественные права потерпевшего, в частности право требования возврата полной стоимости имущества, явившегося предметом преступления.

Что же касается суммы возмещения ущерба потерпевшему, она рассчитывается не на день совершения преступления, а на день принятия решения о возмещении вреда [54].

Крупный размер вымогательства может быть достигнут как одним актом вымогательства, так и несколькими последовательными эпизодами. Если эти эпизоды охватывались единым умыслом и были совершены в отношении одного потерпевшего, такие действия необходимо квалифицировать как единое продолжаемое преступление по п. «г» ч. 2 ст. 163 УК РФ [76, с. 285].

5. Субъективные признаки вымогательства

Теория уголовного права выдвигает в качестве постулата содержания каждого преступного деяния тот факт, что оно складывается из двух составляющих – объективной и субъективной. Субъективная сторона характеризует психические процессы, которые протекают в сознании лица, совершающего преступление. Установление субъективной стороны является обязательным условием привлечения виновного к уголовной ответственности.

Субъективная сторона складывается из таких признаков, как вина, мотив, цель и эмоциональное состояние [78, с. 72]. Если объективная сторона познается непосредственно в процессе установления признаков совершенного преступления путем изучения конкретных объективных обстоятельств, которые имеют отражение в окружающей действительности и могут быть восприняты посредством органов чувств, то субъективная сторона не может восприниматься подобным образом [84, с. 629].

В научной литературе общепринятым является мнение о том, что вымогательство может быть совершено только с прямым умыслом [15, с. 281; 39, с. 125; 52, с. 247, 262]. Это положение прямо вытекает из того обстоятельства, что для вымогательства является обязательным корыстная цель. Прямо корыстная цель в уголовном законе не описана для состава вымогательства. Данная цель является обязательным признаком для всех форм хищения, поскольку прямо предусмотрена в понятии хищения, содержащемся в примечании к ст. 158 УК РФ. Как было отмечено выше при рассмотрении признаков вымогательства, данное преступление нельзя относить к хищению. Тем не менее, традиционно при классификации преступлений против собственности вымогательство относят к иным корыстным преступлениям против собственности, не содержащим признаков хищения [76, с. 49].

Прямой умысел характеризуется осознанием общественной опасности совершаемого деяния, предвидением возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий, и желанием их наступления.

Применительно к вымогательству осознание общественной опасности совершаемых действий означает, что виновный осознает незаконный характер перехода чужого имущества в его владение. Он понимает, что никаких прав на это имущество у него не имеется, и такой переход нарушает права пользования, владения и распоряжения законного собственника этого имущества. Проще говоря, преступник знает, что требует чужое имущество, на которое у него нет никаких прав. Если же виновный считает, что у него имеются какие-либо права на это имущество или он таким образом пытается восстановить свои нарушенные права за счет чужого имущества, то такие действия не образуют признаков хищения. В этом случае происходит юридическая трансформация правоотношений в уголовно-правовую плоскость, доминирующими отношениями в которой являются не отношения собственности, а отношения связанные с установленным законом порядком реализации своих прав или восстановления прав, т. е. порядок управления. Такие преступные действия должны быть квалифици-

рованы как самоуправство (ст. 330 УК РФ) при наличии соответствующих последствий, указанных в норме.

При этом в осознание общественной опасности закладываются также иные обстоятельства совершаемого преступления, например, способ совершения вымогательства, который характеризуется либо применением насилия или угрозой его применения, либо угрозой распространения сведений, порочащих потерпевшего, либо угрозой повреждения или уничтожения имущества потерпевшего. Виновный при совершении данных действий понимает их незаконность и противоправный характер, осознает социально опасный характер избранного способа воздействия на потерпевшего и тот факт, что потерпевший с высокой долей вероятности, вопреки своему свободному волеизъявлению вынужден будет передать требуемое имущество, иначе последуют негативные для него последствия.

Несмотря на то, что при совершении преступления все признаки совершенного деяния должны осознаваться виновным лицом, не требуется их отождествления виновным с признаками, характеризующими интеллектуальный и волевой моменты субъективной стороны преступления. Так, например, вымогатель должен осознавать избранный им способ совершения преступления, но не обязательно, чтобы он понимал, что избранный им способ является, например, квалифицирующим признаком. При установлении субъективной стороны достаточно, чтобы он понимал, что такой способ сам по себе является общественно опасным. Этого достаточно, чтобы говорить о наличии интеллектуального критерия прямого умысла. Также не требуется, чтобы виновный понимал юридические особенности состава преступления. Не будет иметь значение для квалификации осознание им момента окончания вымогательства. Состав вымогательства по законодательной конструкции является усеченным и считается юридически оконченным с момента предъявления имущественного требования. Тем не менее понимание этого момента никак не должно отражаться на квалификации, поскольку в содержательную часть интеллектуального момента не входит осознание момента окончания преступления. Достаточно, чтобы виновный в общих чертах понимал, что совершает общественно опасное деяние, а понимание того, какой этап преступной деятельности является моментом юридического окончания преступления, не учитывается при оценке субъективной стороны.

Предвидение возможности или неизбежности наступления преступных последствий характеризуется тем, что виновный в своем сознании как бы моделирует те негативные социальные изменения, которые должны последовать за его действиями. Предвидение – это отражение в сознании тех событий, которые произойдут, должны или могут произойти в будущем [83, с. 82]. Предвидение еще называют опережающим сознанием. Благодаря опережающему отображению фактов, явлений и событий человек раскрывает причинно-следственные связи, способен мысленно конструировать будущее [80].

Применительно к вымогательству преступник понимает, что в результате его действий будут нарушены имущественные права потерпевшего в результате отчуждения требуемого имущества, передачи имущественных прав или совер-

шения действий имущественного характера. Однако поскольку состав вымогательства является усеченным, предвидение наступления опасных последствий не является обязательным для наличия состава. Понимание последствий в данном преступлении лежит за рамками его состава и может учитываться при назначении наказания, при установлении квалифицирующих признаков, которые влекут определенные последствия. Но для основного состава эти последствия нерелевантны, отсюда и их предвидение не имеет юридического уголовно-правового значения. Правильно отметил В. В. Лунеев, что в деяниях с формальными составами могут быть самые разные общественно опасные последствия, наступление которых виновный предвидит или не предвидит, желает или не желает, но это находится за рамками формального состава и имеет значение либо как самостоятельное преступление, либо как отягчающее вину обстоятельство [73, с. 126].

Волевой момент прямого умысла характеризуется желанием наступления общественно опасных последствий. Применительно к вымогательству как усеченному составу, волевой момент необходимо анализировать применительно к тем действиям, которые совершает преступник [83, с. 86]. Так волевой момент в вымогательстве характеризуется желанием совершить действия, направленные на требование передачи чужого имущества, права на имущество или совершения со стороны потерпевшего в пользу виновного действий имущественного характера.

Как было сказано выше, обязательным признаком вымогательства является корыстная цель, которая опосредует саму сущность вымогательства как преступления против собственности. Некорыстного вымогательства существовать не может, поскольку оно в этом случае превращается в иной состав преступления. При этом в составе вымогательства так же, как и в составах хищений выделяется именно только корыстная цель. В научной литературе можно встретить утверждения, что для анализируемого преступления обязательны помимо цели еще и корыстный мотив [13, с. 72; 59, с. 98]. Вряд ли можно согласиться с В. В. Есиповым, утверждавшим, что «мотив корысти означает все те побуждения и стимулы, которые имеют своим основанием желание противозаконного обогащения; поэтому нельзя считать похищением изъятие чужих съестных припасов для раздачи бедным» [40, с. 140]. Содержание корыстного мотива им понималось правильно, но изъятие чужого имущества для того, чтобы подарить другим людям, однозначно должно влечь ответственность за хищение. На это прямо указывает понятие хищения, в котором говорится, что хищение может совершаться как в пользу виновного, так и третьих лиц. При этом нигде нет требования, чтобы лица, в чью пользу совершается хищение, осознавали противоправный характер происхождения права на это имущество. Лицо, которое совершает его изъятие, какими бы благими не были его побуждения, осознает, что имущество для него является чужим, он или лица, которым он отдает его, обогащаются за счет этого имущества. В противном случае они должны были бы потратить собственные средства для его приобретения. Верно отметил А. И. Бойцов, что в понятии хищения говорится не о корыстном мотиве, а о корыстной цели [15, с. 287]. Фактически корыстный мотив не является

обязательной конструкцией как хищения, так и вымогательства. Изъятие имущества или его требование может совершаться по другим мотивам: месть, зависть, хулиганство и т. п. [39, с. 135–145]. Г. Н. Борзенков верно полагает, что мотив при вымогательстве чужого имущества безразличен, действовал виновный из мести или злобы к потерпевшему и т. п., состав вымогательства от этого не меняется [16, с. 72].

Корыстная цель по содержанию означает, что в сознании виновного лица формируется понимание хотя бы в общих чертах того обстоятельства, что за счет чужого имущества происходит удовлетворение потребностей самого преступника либо лиц, в интересах которых он совершает преступные действия. При этом от иных составов преступлений такая реализация потребностей отличается тем, что имущество изымается у потерпевшего навсегда, т. е. он утрачивает фактические права пользования, владения и распоряжения им. То есть при таком рассмотрении корыстная цель реализуется путем наживы, прибыли виновного или третьих лиц. Такая прибыль характеризуется тем обстоятельством, что в любом другом случае необходимо затратить свои силы или средства на производство, приобретение, содержание того или иного имущества. При вымогательстве таких вещей виновный или третьи лица не несут растрат, тем самым происходит обогащение. Такая нажива характеризуется увеличением имущественного фонда вымогателя или других лиц за счет имущества потерпевшего лица в случаях вымогательства имущества или права на имущество. В случаях требования совершения действий имущественного характера, не происходит затрат на их оплату, что принято в условиях современного рынка и обычаях делового оборота. В данном случае лицо не увеличивает свой имущественный фонд, а не растрчивает его, что также рассматривается в экономике как один из видов дохода – внереализационный доход.

Существование в УК РФ специальных видов вымогательства ставит вопрос о том, необходима ли для них также корыстная цель. Несмотря на то, что в данных нормах вымогательство по содержанию не отличается от общего состава, а различие заключается лишь в специальном предмете посягательства, общность их содержания не является доминирующим признаком [63, с. 42], а корыстная цель внешне не является имманентным признаком данных составов. Основным объектом специальных видов вымогательства выступает не право собственности. Недаром законодатель такие составы поместил в иные главы УК РФ, подчеркнув тем самым, что отношения собственности не являются доминирующими в данных правоотношениях. Опасность специальных видов вымогательства состоит в нарушении отношений иного рода. Например, при вымогательстве наркотических средств или психотропных веществ нарушается установленный законом порядок оборота таких веществ, который находится под жестким контролем государства в связи с опасностью их для здоровья людей. Аналогично при вымогательстве оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств нарушается установленный государством порядок их оборота, который контролируется государством по причинам высокой опасности таких предметов.

В научной литературе имеются диаметрально противоположные точки зрения по поводу обязательности признака корыстной цели при совершении специальных видов хищения и вымогательства. Так ряд авторов высказывают мнение, что для данных составов преступлений необходима корыстная цель [54, с. 280; 79, с. 221]. Так М. А. Любавина свое мнение обосновывает содержанием примечания к ст. 158 УК РФ, где дается общее понятие хищения. Законодатель в примечании указал, что данное понятие распространяется не только на формы хищения, предусмотренные гл. 21 УК РФ, но и вообще на все виды хищения, предусмотренные уголовным законом [57, с. 27]. Вместе с тем, автор признает, что такое решение является серьезной ошибкой [57, с. 29].

6. Отличие вымогательства от смежных составов преступлений

Вымогательство имеет схожие признаки с некоторыми составами преступлений, поэтому в правоприменительной практике до сих пор допускаются ошибки оценки действий виновных лиц, которые с применением угрозы предъявляют требования определенного имущественного характера потерпевшей стороне.

Наиболее часто возникающей проблемой является разграничение вымогательства и самоуправства. В правоприменительной практике этот вопрос достаточно актуален, поскольку очень часто заимодавец старается взыскать с заемщика, просрочившего срок возврата займа, в порядке, противоречащем действующему порядку взыскания суммы займа.

Первым критерием их разграничения являются признаки объективной стороны. Во-первых, требование обращено на чужое имущество, правами на которое обладает только собственник этого имущества или его законный владелец. При самоуправстве обязательным признаком является оспариваемость действий виновного, которые носят противоправный характер, со стороны потерпевшего. Данный признак характеризуется двухсторонним предположением о наличии действительных или предполагаемых прав на это имущество. При этом реализация действительных прав предполагает осуществление лицом имеющихся у него полномочий в отношении истребуемого имущества, но с некоторыми нарушениями процедуры его истребования. Реализация предполагаемого полномочия характеризуется осуществлением фактически отсутствующих у лица правомочий в отношении изымаемого имущества, но при этом оно уверено в обратном. Самоуправными действия будут и случаи наличия действительного или предполагаемого права, но субъект этого предполагаемого права нарушает порядок реализации этого права.

К. обвинялся по ч. 2 ст. 330 УК РФ в том, что после дорожно-транспортного происшествия (далее – ДТП) был поврежден автомобиль «Тойота-Корона», которым управлял К., в ходе ссоры при выяснении виновности самовольно, вопреки требованиям ГК РФ о возмещении ущерба поврежденному имуществу и Правилам дорожного движения РФ об оформлении факта ДТП, применив психическое насилие с целью принуждения возмещения вреда поврежденному автомобилю «Тойота-Корона», К. из кабины принадлежащего П. автомобиля «Тойота-Королла» стоимостью 55 тыс. руб., забрал ключи от автомобиля, затем принадлежащий П. автомобиль «Тойота-Королла» был отогнан и оставлен около усадьбы А. как гарантия возмещения причиненного вреда. Приговором городского суда К. был осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 330 УК РФ [123].

Во-вторых, при самоуправстве обязательным признаком объективной стороны преступления являются последствия, выражающиеся в существенном нарушении интересов потерпевшего. Данный признак является по конкретизации оценочным и устанавливается в каждом случае индивидуально правоприменительными органами в зависимости от оценки значимости ущерба потерпевшим, его имущественного положения, значимости имущества для потерпев-

шего и т. п., если в результате самоуправных действий таких последствий не причиняется, то такие действия расцениваются как административное правонарушение. Состав вымогательства не содержит указанных признаков, носящих оценочный характер, что позволяет более верно оценить действия виновных с точки зрения последствий [45, с. 48].

В-третьих, при вымогательстве виновный сопровождает свои требования угрозой применения насилия, уничтожения или повреждения имущества, а также распространения сведений, позорящих потерпевшего. Эти требования являются обязательным признаком вымогательства. При отсутствии требований указанного характера деяния лица не могут быть расценены как вымогательство. Часть 1 ст. 330 УК РФ не предусматривает признака угрозы как необходимой части объективной стороны преступления. Применение насилия содержится лишь в квалифицированных признаках самоуправства.

В-четвертых, вымогательство может быть совершено только путем активных действий, тогда как самоуправство может быть выражено и в пассивной поведенческой форме.

Достаточно спорным остается в теории и правоприменительной практике вопрос о квалификации действий лиц, которые самовольно истребуют у потерпевшего денежные санкции (неустойку, штраф). Устоявшегося мнения по этому поводу нет, лишь эпизодически данный вопрос затрагивается в литературе.

Вопрос о разграничении в этом случае вымогательства и самоуправства должен быть основан на наличии между сторонами соглашения об уплате неустойки, а также размера суммы, подлежащей выплате сверх суммы задолженности [20, с. 76]. При этом существует необходимое требование, чтобы подобное соглашение обязательно было заключено в письменной форме под угрозой ничтожности сделки (ст. 331 ГК РФ).

При наличии заключенного соглашения в письменной форме необходимо удостовериться в том, что само соглашение было заключено без принуждения со стороны.

Представляется, что в случаях, когда обязанность уплатить неустойку установлена договором, добровольно заключенным потерпевшим, и виновный, нарушая установленный порядок реализации своего права на ее получение, самовольно истребует ее, речь может идти только о преступном самоуправстве (при наличии всех прочих признаков), так как виновный имеет действительное право на имущество потерпевшего, что исключено в составе вымогательства.

Если же виновный требует неустойку в размере, превышающем оговоренную соглашением штрафную сумму, которую заемщик обязан возместить в качестве неустойки за просрочку возврата займа или неполного возврата истребуемой обратно суммы, то такие действия необходимо оценивать с точки зрения вымогательства. Поскольку размер неустойки определяется сторонами соглашения, то действительное право у истца будет только на сумму в размере, оговоренную в соглашении и принятую обеими сторонами добровольно. Но если требуемая сумма превышает указанную в соглашении, то можно говорить об отсутствии даже предполагаемых прав на сумму в размере, превышающем установленную соглашением, и квалифицировать такие действия по ст. 163 УК РФ.

Вымогательство, совершенное с применением насилия, следует отграничивать от сходных преступлений, в частности, от грабежа и разбоя, признаками, которых также являются требование передать имущество, совершенное с насилием или угрозой его применения. Их отличие заключается, прежде всего, в характере, содержании и функциональном назначении насилия.

При грабеже и разбое насилие или угроза его применения используются в качестве средства немедленного завладения имуществом или его удержания, а при вымогательстве – в качестве средства устрашения, предназначенного для того, чтобы обеспечить выполнение имущественных требований преступника, причем не здесь и сейчас, а в будущем. Если же, применяя насилие, вымогатель требует передачи части имущества в будущем, а частью завладевает сразу, то в зависимости от характера и интенсивности примененного насилия имеет место либо совокупность вымогательства и грабежа, либо совокупность вымогательства и разбоя [92, с. 48].

Так, Л. и Ф. По предварительному сговору с целью завладения имуществом пришли около 17 ч 00 мин в квартиру Г. и стали требовать деньги, при этом Ф. ударил Г. по лицу, а Л. угрожал ножом, приставив его к шее Г. Затем Ф. и Л. забрали из холодильника три бутылки водки и ушли. В тот день около 20 ч они вновь пришли в квартиру Г. и стали требовать у него деньги, угрожая забрать вещи или поджечь квартиру. Не получив деньги, они ушли. На следующий день около 19 ч Л. и Ф., угрожая, предъявили Г. те же требования, но денег не получили. Через день они опять пришли в квартиру Г., выбив двери. При этом Ф. ударил Г. несколько раз по лицу, причинив легкий вред здоровью, а Л., приставив нож к шее Г., потребовал деньги. После этого они стали искать в квартире деньги, но не нашли. Г. пообещал дать им деньги на следующий день, после чего они ушли. На следующий день Ф. и Л. были задержаны сотрудниками полиции при получении денег от Г., их действия были квалифицированы по совокупности вымогательства и разбоя [125].

Далее, при вымогательстве момент предполагаемого осуществления угрозы направлен в будущее, т. е. угроза носит отлагательный характер, так как применяется только после невыполнения потерпевшим требований вымогателя; при грабеже и разбое виновный угрожает потерпевшему немедленной расправой. При этом грабительское или разбойное завладение имуществом происходит одновременно с совершением насильственных действий либо сразу же после их совершения, тогда как при вымогательстве умысел направлен на получение требуемого имущества в будущем. Таким образом, при вымогательстве угроза насилием направлена на получение имущества в будущем, а не в момент применения угрозы [61, с. 20]. Кроме того, как вымогательство следует квалифицировать предъявленное потерпевшему требование о немедленной передаче имущества под угрозой применения в будущем насилия, при отсутствии признаков нападения.

Некоторые суды квалифицируют общественно опасное деяние как идеальную совокупность нескольких составов преступлений, тогда как в действительности она отсутствует.

Так, П. и Е. признаны виновными в вымогательстве, совершенном группой лиц по предварительному сговору. Преступления, как установлено судом, совершены в г. Мирном при следующих обстоятельствах. П. потребовал от Ж. ежемесячной платы по 1 000 руб. за то, что тот продает CD-диски. Он платить отказался, и П. предупредил, что если Ж. давать деньги не будет, его избьют. Через два дня после предъявления требований П. и Е. пришли к Ж., и П. повторил требования, а затем с целью заставить Ж. платить оба стали угрожать убийством и причинили ему телесные повреждения. Ж. испугался и вынужден был сказать П. и Е., что у него есть 1 000 руб. П. взял деньги. Е., понимая, что Ж. не собирается в будущем платить им деньги, с силой нанес ему удар по лицу стеклянной банкой, причинив легкий вред здоровью.

При грабеже и разбое содержанием угрозы является насилие; при вымогательстве – не только насилие, но и распространение позорящих сведений, истребление имущества. Адресатом угрозы при грабеже и разбое, как правило, является владелец имущества, а при вымогательстве – не только владелец, но и его близкие [37, с. 11].

Как уже отмечалось, важное значение имеет точное установление момента окончания вымогательства, так как это играет решающую роль для определения места совершения этого преступления.

Поскольку вымогательство признается оконченным преступлением, независимо от выполнения или невыполнения потерпевшим требования преступника, на практике возник вопрос: когда вымогатель при предъявлении требования желает получить имущество или право на имущество, которое не принадлежит лично потерпевшему, подстрекает жертву к совершению преступления. Возможно исполнение и других составов преступлений. Но должен ли гражданин нести за это наказание, и подлежит ли вымогатель уголовной ответственности как соучастник в этих случаях. Вариантов может быть несколько. Первый: преступник требует передать имущество, право на имущество. Его не интересует источник и пути выполнения требования (свое имущество, заем чужих средств, хищение). Вымогатель подлежит ответственности только по ст. 163 УК РФ. Соучастия здесь нет, так как подстрекательство возможно только к конкретному деянию, т. е. необходимо склонение именно к совершению преступления. Потерпевшему должна инкриминироваться статья УК РФ, соответствующая содеянному. Вариант второй: преступник предъявляет требование, которое может быть выполнено жертвой только в нарушение закона. Если вымогатель сознает это и желает совершения таких действий, то его деяния должны квалифицироваться по совокупности норм о вымогательстве и подстрекательстве к преступлению, состав которого содержится в действиях лица, к которому предъявлено требование. Потерпевший также несет уголовную ответственность. Третий вариант отличается от второго тем, что жертва должна быть освобождена от ответственности по правилам о крайней необходимости. Здесь возникает вопрос о соотношении ценностей при причинении вреда правоохраняемым интересам других лиц и угрозе жизни, здоровью, чести, достоинству и имущественным интересам потерпевшего. В юридической литературе можно встретить иные мнения. Из них следует, что ст. 163 УК РФ (вымогательство) необходимо вменять только если:

1) преступнику не удалось добиться удовлетворения своего требования, так как эти действия не подпадают под действие общей нормы о приготовлении к хищению, и 2) если жертва совершает менее тяжкое, чем вымогательство, преступное деяние. В других случаях оконченное преступление (например, хищение) поглощает собой приготовительную стадию (требование имущества) и, будучи совершенным под влиянием вымогателя, должно оцениваться с учетом норм о соучастии. Этот взгляд сформировался из-за несоординированности наказаний, предусмотренных в ст. 163 УК РФ по сравнению с наказаниями за преступления, которые совершаются в связи с вымогательством. Вымогательство является самостоятельным преступлением, и поэтому при наличии всех признаков его состава и отсутствии обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, лицо должно подлежать уголовной ответственности. Даже в случаях, если действия потерпевшего пресечены на какой-либо предварительной стадии, то вымогателю должна вменяться ст. 163 со ссылкой на ст. 30 УК РФ. Г. Н. Борзенков ставит под сомнение правильность квалификации действий потерпевшего как хищения с точки зрения их преступности вообще: «Получается, что расхититель не тот, кто вымогает деньги, а тот, кто платит, подчиняясь насилию. При этом игнорируется отсутствие у данного лица не только корыстной цели, но и умысла на завладение имуществом, поскольку материально-ответственное лицо не уклоняется от возмещения вреда» [16, с. 20]. Конечно, потерпевший при обычных обстоятельствах, может быть, никогда не совершил бы ничего подобного – лишь угроза вымогателя заставила его преступить черту закона. Но характер и содержание вымогательства как преступления резко отличается, как уже отмечалось, от хищения, тем, что между предъявлением требования и временем его осуществления есть определенный промежуток. Это позволяет уклониться от выполнения требования и, следовательно, не совершать преступления. Кроме того, кража в пользу третьего лица наказывается в том же порядке, что и противозаконное без возмездия изъятие в свою собственность.

Ляпунов Ю. считает, что действия обоих в таком случае следует расценивать как хищение чужого имущества, совершенное группой лиц по предварительному сговору [58, с. 5]. Однако данная рекомендация не находит своего подтверждения в материалах судебной практики. Так, Верховный суд РФ в определении по делу С. отметил, что исполнителем группового хищения может быть только лицо, непосредственно участвующее в изъятии имущества. Иные соучастники преступления должны отвечать по соответствующей статье УК РФ, предусматривающей ответственность за хищение, со ссылкой на ст. 33 УК РФ [124].

Понятно, что вымогатель, получая ранее похищенное под воздействием угрозы имущество, непосредственного участия в его изъятии не принимает, что исключает возможность признания его соисполнителем хищения. К тому же ничем не оправдано рассмотрение требования передачи имущества как «предварительный сговор» на совершение хищения. Вместе с тем такое требование, сопряженное с угрозой, выступает по своей сути детерминантой хищения и, таким образом, полностью подпадает под признаки подстрекательства к хищению. Поэтому действия лица, передавшего вымогателю ранее похищенное имущество, следует квалифицировать как соисполнительство в хище-

нии, а действия вымогателя – как соучастие в нем в виде подстрекательства. Если требование передачи материальных ценностей повлекло за собой хищение, т. е. совершение ещё одного преступления, с которым оно причинно и виновно связано, тогда есть все основания квалифицировать все содеянное по совокупности ещё и по ст. 163 УК РФ [93, с. 238].

Действия лица, передавшего вымогателю не свое, а чужое имущество, квалифицируются по ч. 1 ст. 160 УК РФ, если имущество было ему вверено, а угроза вымогательства может учитываться судом как обстоятельство, смягчающее наказание, т. е. если потерпевший, опасаясь будущего насилия или реализации шантажных угроз, не рискуя или по другим причинам не желая обращаться за помощью к органам власти, отдает вымогателю чужое имущество, он совершает преступление против собственности при смягчающих обстоятельствах (п. «е» ст. 61 УК РФ). Хотя также следует сказать, что в отдельных случаях, если будет признано, что лицо, совершившее хищение, действовало в состоянии крайней необходимости, действия данного лица в соответствии с гл. 8 УК РФ будут признаны непроступными.

Содержание состава вымогательства не лишено недостатков, и некоторые фактические ситуации бывает сложно квалифицировать. Нет вымогательства при предъявлении требований неимущественного характера под угрозой насилия, уничтожения имущества или оглашения позорящих сведений. Отчасти такие действия уголовно наказуемы но многие ещё не нашли свое отражение в УК РФ, например, шантаж для вступления в должность, получение почетных званий и т. д.

Кроме того, вымогательство может выступать как составная часть объективной стороны другого преступления. В таких случаях нормы об уголовной ответственности за вымогательство не применяются, и вменяется состав преступления с квалифицирующим признаком, например, вымогательство взятки – п. «в» ч. 4 ст. 290 УК РФ.

Также вымогательство следует отличать от принуждения к совершению сделки или отказу от ее совершения (ст. 179 УК РФ). Если иметь в виду, что принуждение к действиям имущественного характера может выражаться и в принуждении к какой-либо сделке, то требование совершения действий имущественного характера и принуждение к совершению сделки идентичны. Но в ч. 1 ст. 179 прямо написано «при отсутствии признаков вымогательства». Такими признаками вымогательства (для разграничения с составом ст. 179 УК РФ) выступают направленность вымогательства на обретение полного господства над имуществом как своим собственным, и такой субъективный признак, как корыстная мотивация, т. е. стремление обрести такое право собственности безвозмездно, которые в сочетании друг с другом и очерчивают пределы вымогательства. Благодаря первому признаку из понятия вымогательства выходят те сделки, по которым имущество переходит лишь во временное пользование виновного, а благодаря второму признаку от этого понятия также отходят те имущественные сделки, по которым производится эквивалентный расчет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования по теме можно сформулировать следующие основные выводы.

Институт уголовного законодательства, регламентирующий ответственность за вымогательство, социально обусловлен необходимостью создания механизма защиты имущества, принадлежащего как государству, так и находящегося у граждан в личном пользовании. Становление и развитие указанного уголовного института, а также его развитие в изменяющихся социальных условиях предопределено в интересах оптимального противодействия противоправного поведения в форме вымогательства в интересах защиты такого социального блага, как собственность.

Институт уголовного законодательства, регламентирующий уголовную ответственность за вымогательство, прошел в своем развитии несколько этапов. Во-первых, это криминализация данного преступления в дореволюционный период в числе других преступлений, посягающих на собственность. Во-вторых, это сохранение в советском уголовном законодательстве уголовной ответственности за вымогательство с дифференциацией его на противоправные посягательства соответственно на социалистическую и личную собственность. В-третьих, это модернизация данного правового института за счет использования комплекса квалифицирующих обстоятельств, исходя из особенностей этой противоправной деятельности в условиях переходного периода.

Криминализация такого деяния, как вымогательство, явилось необходимостью современного этапа развития отношений собственности и взятых на себя обязательств государства по гарантии и защите прав собственности всех граждан. Поскольку вымогательство по своим существенным признакам не совпадает с признаками хищения, законодатель обоснованно выделил такую форму завладения чужим имуществом, как вымогательство, в самостоятельный состав преступления в преступлениях против собственности. В ходе исследования было установлено, что вымогательство обоснованно получило свое самостоятельное закрепление как преступление, поскольку оно лишь частично совпадает с признаками хищения, тем самым не являясь последним.

Исследование предмета посягательства вымогательства позволило прийти к выводу о том, что вопреки мнению большинства ученых, в качестве такого выступает либо само имущество, либо выгода имущественного характера.

Сложности правоприменительной практики опосредованы законодательным содержанием признаков вымогательства, поскольку они не в полной мере отражают спектр возможных проявлений поведения виновного при вымогательстве. Например, угроза, как признак, охватывает лишь ограниченный круг ее возможных проявлений, что, в свою очередь, требует законодательного изменения его содержания.

Также требует урегулирования вопрос, вызывающий значительные сложности в правоприменительной деятельности, об угрозе, носящей неопределенный характер. Поскольку по данному поводу отсутствуют официальные разъ-

яснения Верховного суда РФ, очень часто допускаются ошибки в квалификации подобного рода угрозы.

Субъективная сторона вымогательства выражена в прямом умысле и корыстной цели, выражающейся в стремлении получить право собственности над чужим имуществом как над собственным.

Разграничение со смежными составами преступлений необходимо осуществлять по признакам объективной и субъективной стороны состава преступления. Наибольшие сложности представляет разграничение вымогательства и самоуправства при истребовании своего имущества у должника. Разграничение необходимо осуществлять следующим образом. Если виновный требует неустойку в размере, превышающем оговоренную соглашением штрафную сумму, которую заемщик обязан возместить в качестве неустойки за просрочку возврата займа или неполного возврата истребуемой обратно суммы, то такие действия необходимо оценивать с точки зрения вымогательства. Поскольку размер неустойки определяется сторонами соглашения, то действительное право у истца будет только на сумму в размере, оговоренную в соглашении и принятую обеими сторонами добровольно. Но если требуемая сумма превышает указанную в соглашении, то можно говорить об отсутствии даже предполагаемых прав на сумму в размере, превышающем установленную соглашением, и квалифицировать такие действия по ст. 163 УК РФ.

Список использованных источников

1. Конвенция, учреждающая Всемирную Организацию Интеллектуальной Собственности (подписана в Стокгольме 14 июля 1967 г., изменена 2 октября 1979 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: ред. от 19 февраля 2018 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ: ред. от 6 июля 2016 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Об охране окружающей среды: федер. закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ: ред. от 3 июля 2016 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верхов. суда Рос. Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 // Рос. газ. 2013. 17 июля.
6. О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации): постановление Пленума Верхов. суда Рос. Федерации от 17 декабря 2015 г. № 56 // Рос. газ. 2015. 28 декабря.
7. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление пленума Верхов. суда Рос. Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 // Бюл. Верхов. суда Рос. Федерации. 2003. № 2.
8. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: постановление Пленума Верхов. суда Рос. Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 // Рос. газ. 2014. 12 декабря.
9. О судебной практике по делам об убийстве (статья 105 Уголовного кодекса Российской Федерации): постановление Пленума Верхов. суда Рос. Федерации от 27 января 1999 г. № 1 // Бюл. Верхов. суда Рос. Федерации. 1999. № 3.
10. Постановление Президиума Верхов. суда Рос. Федерации от 31 января 2007 г. № 641П06 // Обзор законодательства и судебной практики Верхов. суда Рос. Федерации за первый квартал 2007 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
11. Аистова Л. С. Уголовное право зарубежных стран: учеб. пособие. СПб., 2013.
12. Безверхов А. Г. Имущественные преступления. Самара, 2002.
13. Богданчиков С. В. Противодействие преступным посягательствам на абсолютные права собственности (хищения): моногр. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008.

14. Богданчиков С. В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты преступлений против собственности: моногр. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011.
15. Бойцов А. И. Преступления против собственности. СПб., 2002.
16. Борзенков Г. Н. Усиление ответственности за вымогательство // Вестн. Москов. ун-та. Серия 11. Право. 1990.
17. Брайнин Я. М. Уголовный закон и его применение. М., 1967.
18. Буркина О. А. Уголовная ответственность за посягательства на собственность с применением насилия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008.
19. Векленко В. В. Квалификация хищений: моногр. Омск, 2001.
20. Витман Е. В. Отграничение самоуправства от вымогательства в случаях самовольного истребования неустойки // Актуальные проблемы юридической науки: тезисы докладов Всерос. науч.-практ. конф. / Краснояр. гос. ун-т. Юрид. ин-т / отв ред. А. Н. Тарбагаев. Красноярск: РУМЦ ЮО, 2005.
21. Вишнякова Н. В. Объект и предмет преступлений против собственности: моногр. Омск: Омская акад. МВД России, 2008.
22. Владимиров В. А., Ляпунов Ю. И. Ответственность за корыстные посягательства на социалистическую собственность. М., 1986.
23. Волошин В. И. Понятие «требование» и его значение для квалификации вымогательства // Труды юридического факультета Ставропольского государственного университета. Вып. 20. Ставрополь, 2009.
24. Гаврилов Б. Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. М., 2008.
25. Галиакбаров Р. Как квалифицировать убийства и изнасилования, совершенные групповым способом // Рос. юстиция. 2000. № 10.
26. Галиакбаров Р. Р. Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации. Краснодар, 2000.
27. Галиакбаров Р. Р. Квалификация групповых преступлений. М., 1980.
28. Галиакбаров Р. Р. Совершение преступления группой лиц. Омск, 1980.
29. Галиакбаров Р. Р. Энциклопедия уголовного права. Т. 6. Соучастие в преступлении. СПб., 2007.
30. Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003.
31. Гаухман Л. Д., Максимов С. В. Ответственность за преступления против собственности. М., 1997.
32. Гельфер М. А. Советское уголовное право: Часть Общая. М., 1960. Вып. 5: Объект преступления.
33. Гребенников В. В. Институт собственности в условиях рыночной экономики. М., 1996.
34. Гусев О. Б. Ответственность, вытекающая из распространения сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию // Юрист. 1999. № 8.
35. Гусев О. Б., Завидов Б. Д., Коротков А. П., Слюсаренко М. И. Преступления против собственности. М., 2001.

36. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1991.
37. Дворкин А. Квалификация вымогательства и сопряженных с ним преступлений // Законность. 1999. № 12.
38. Дербок З. Г. Специальные виды хищения и вымогательства: проблемы криминализации и перспективы оптимизации их законодательного описания: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014.
39. Елисеев С. А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России. Томск, 1999.
40. Есипов В. В. Уголовное право. Особенная часть. Преступления против личности и имущества. СПб., 1899.
41. Забелов С. В. Вымогательство: проблемы совершенствования конструкции состава преступления [Электронный ресурс] // URL: http://www.nkfi.ru/sites/files/doc/nauka/stati_stud/uf/ugolovn_kriminolog/zabelov.pdf.
42. Загородников Н. И. Понятие объекта преступления в советском уголовном праве // Труды Военно-юридической академии. М., 1951. Вып. XIII.
43. Иванов В. Ф. Уголовно-правовая оценка понуждения: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Саратов, 1988.
44. Иногамова-Хегай Л. Верховный Суд о хищении группой лиц по предварительному сговору // Уголовное право. 2016. № 3.
45. Клементьева Е. В. Проблемы разграничения вымогательства и самоуправства по российскому уголовному законодательству // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2010. № 9 (190).
46. Клепицкий И. А. Недвижимость как предмет хищения и вымогательства // Государство и право. 2000. № 12.
47. Клепицкий И. А. Собственность и имущество в уголовном праве // Государство и право. 1997. № 5.
48. Козлов А. П. Соучастие: традиции и реальность. СПб., 2001.
49. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. И. Чучаева. М., 2009.
50. Коробеев А., Ролик А. Борьба с наркоконтрабандой: проблемы законотворчества и правоприменения // Уголовное право. 2014. № 6.
51. Корягина О. В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика вымогательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иваново, 1999.
52. Кочои С. М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. М., 2000.
53. Кудрявцев В. Н. О соотношении предмета и объекта преступления по советскому уголовному праву // Труды Военно-юридической академии. М., 1951. Вып. XIII.
54. Курченко В. Н. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ: уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспекты. СПб., 2003.
55. Лопашенко Н. А. Посягательства на собственность: моногр. М., 2012 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

56. Лопашенко Н. А. Преступления против собственности: теоретико-прикладное исследование. М., 2005.
57. Любавина М. А. Признаки хищения специальных предметов (ст. 229 УК РФ) // Криминалистика. 2011. № 1.
58. Ляпунов Ю. Квалификация вымогательства // Рос. следователь. 2006. № 4.
59. Медведев Е. В. Культурные ценности как предмет уголовно-правовой охраны. М., 2004.
60. Минская В. С. Уголовная ответственность за вымогательство по новому Уголовному кодексу Российской Федерации // Уголовное право. 1997. № 3.
61. Михайлова Г. Отграничение грабежа от вымогательства // Советская юстиция. 1990. № 16.
62. Модельный уголовный кодекс для государств – участников СНГ // Правоведение. 1996. № 1.
63. Музыка А. А. Квалификация органами внутренних дел преступлений, совершаемых на почве наркомании: учеб. пособие. Киев, 1988.
64. Никитин Ю. А. История развития ответственности за вымогательство в отечественном уголовном праве и законодательстве // Науч. вестн. Омск. акад. МВД России. 2016. № 1 (60).
65. Никитин Ю. А. Уголовно-правовая характеристика вымогательства: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2016.
66. Никифоров Б. С. Борьба с мошенническими посягательствами на социалистическую и личную собственность по советскому уголовному праву. М., 1952.
67. Никифоров Б. С. Уголовно-правовая охрана личной собственности в СССР. М., 1954.
68. Новый Уголовный кодекс Франции / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, Э. Ф. Побегайло. М., 1993.
69. Овчинский В. С., Эминова В. Е., Яблокова Н. П. Основы борьбы с организованной преступностью. М., 1996.
70. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М., 1997.
71. Памятники Русского права. Законодательные акты Петра I. Первая четверть XVIII века. Вып. 8. М., 1961.
72. Памятники Русского права: Памятники права периода образования русского централизованного государства, XIV–XV вв. Вып. 3. М., 1955.
73. Пархоменко Т. А. Уголовная ответственность за производство, хранение, перевозку либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности. М., 2005.
74. Петров П. К. Квалификация действий соучастников при похищении человека // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. Серия: Право. 2012. № 20.
75. Плохова В. И. Ненасильственные преступления против собственности: криминологическая и уголовно-правовая обоснованность. СПб., 2003.
76. Полный курс уголовного права: В 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. Т. III: Преступления в сфере экономики. СПб., 2008.

77. Прокументов Л. М. Групповое преступление: вопросы теории и практики. Томск, 2010.
78. Прохоров Л. А., Прохорова М. Л. Уголовное право: учеб. М., 2004.
79. Прохорова М. Л. Наркотизм: уголовно-правовое и криминологическое исследование. СПб., 2002.
80. Психологический словарь. Раздел «Акцептор результатов действия» [Электронный ресурс] // URL: <http://psychology.net.ru/dictionaries/psy.html?word=40> (дата обращения: 04.09.2020).
81. Пудовочкин Е. Ю. Судебная практика квалификации преступлений, совершенных в соучастии // Криминолог. журн. Байкал. гос. ун-та экономики и права. 2011. № 2 (16).
82. Разгильдиев Б. Т. Некоторые уголовно-правовые проблемы вымогательства // Проблемы повышения качества следствия в органах прокуратуры. Матер. науч.-метод. конф. 21–22 апреля 1994 г. Саратов, 1994.
83. Рарог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2002.
84. Рарог А. И. Субъективная сторона преступления. Глава V // Энциклопедия уголовного права. Том 4. СПб., 2005.
85. Рарог А. И., Есаков Г. А. Понимание Верховным Судом Российской Федерации «группы лиц» соответствует принципу справедливости // Рос. юстиция. 2002. № 1.
86. Рыжкова И. Д. Вымогательство: теоретико-правовой анализ и криминологическая характеристика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
87. Салаев Г. А. Объективная сторона вымогательства имущества // Юрид. журн. 2005. № 3.
88. Сапронов Ю. В. Некоторые проблемы разграничения самоуправства от смежных составов преступлений [Электронный ресурс] // URL: <https://www.lawmix.ru/comm/3131> (дата обращения: 14.09.2020).
89. Севрюков А. П. Хищение имущества: криминологические и уголовно-правовые аспекты. М., 2004.
90. Советское уголовное право. М., 1940.
91. Соловьев О. Г., Соколова О. В. Регламентация ответственности соучастников преступления в международном уголовном праве // Вестн. Ярослав. гос. ун-та. Серия «Гуманитарные науки». 2017. № 3 (41).
92. Торсуков А. Я. Проблемы квалификации вымогательства и разбоя // Преступность и общество: историко-правовой и социально-экономический аспекты. Сб. науч. ст. Хабаровск: Дальневост. юрид. ин-т МВД России, 2008.
93. Уголовное право России. Особенная часть / под ред. В. П. Ревина. М.: Юстицинформ, 2009.
94. Уголовное право России: часть Особенная / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М., 2005.
95. Уголовное право. Особенная часть / под ред. А. А. Герцензона и [А. А. Пионтковского. М., 1939.
96. Уголовный закон и преступление / под ред. Э. С. Тенчова. Иваново, 1997.

97. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики // URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30420353#pos=2130;-18 (дата обращения: 21.10.2020).
98. Уголовный кодекс Голландии. СПб., 2000.
99. Уголовный кодекс Кыргызской Республики // URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=34350840#pos=2090;-36 (дата обращения: 12.10.2020).
100. Уголовный кодекс Латвийской Республики // URL: http://www.pravo.lv/likumi/07_uz.html (дата обращения: 14.11.2020).
101. Уголовный кодекс Литовской Республики // URL: https://www.pravo.vuzlib.su/book_z794_page_32.html (дата обращения: 20.10.2020).
102. Уголовный кодекс Республики Армения // URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus#21> (дата обращения: 21.10.2020).
103. Уголовный кодекс Республики Беларусь // URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414984#pos=1808;-44 (дата обращения: 02.11.2020).
104. Уголовный кодекс Республики Казахстан // URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252#pos=2855;-49 (дата обращения: 21.10.2020).
105. Уголовный кодекс Республики Таджикистан // URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30397325#pos=2569;-46 (дата обращения: 15.09.2020).
106. Уголовный кодекс Республики Узбекистан // URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30421110 (дата обращения: 21.11.2020).
107. Уголовный кодекс Швейцарии. М., 2000.
108. Уголовный кодекс Эстонской Республики // URL: https://www.legislationline.org/download/id/6462/file/Estonia_CC_as_of_2002_ru.pdf (дата обращения: 25.11.2020).
109. Уланова Ю. Ю. Общие признаки хищения в составе кражи: моногр. М.: Юрлитинформ, 2013.
110. Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права. СПб., 2003.
111. Хатыпов Р. Н. Сложные вопросы квалификации вымогательства // Рос. следователь. 2003. № 11.
112. Хилюта В. В. Формы хищения в доктрине уголовного права: моногр. М., 2014.
113. Чернобрисов Г. Г. Вымогательство: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2011.
114. Чхвимиани Э. Ж. Развитие уголовного законодательства об ответственности за вымогательство в истории России // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2010. № 3.
115. Шеслер А. В. Соучастие в преступлении: учеб. пособие. М., 2009.
116. Шишкин А. Д. Сравнительно-правовой анализ регулирования ответственности за вымогательство в зарубежном уголовном законодательстве // URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/28432-sravnitelno-pravovoj-analiz->

regulirovaniya-otvetstvennosti-vymogatelstvo-zarubezhnom (дата обращения: 10.11.2020).

117. Яни П. Квалификация групповых хищений в судебной практике // Законность. 2016. № 1.

118. Апелляционное определение по делу 22-165/2017 от 19 октября 2017 г. // Архив Дальневост. окружного военного суда.

119. Апелляционное постановление от 18 октября 2017 г. по делу 22К-1301/2017 // Архив Курского областного суда.

120. Архив Заводоуковского районного суда Тюменской области за 2005 г.

121. Бюллетень Верхов. суда Рос. Федерации. 1994. № 1.

122. Бюллетень Верхов. суда Рос. Федерации. 2002. № 4.

123. Кассационное определение Хабаровского краевого суда № 123-5/340 // Архив Хабаровского краевого суда.

124. Определение Верхов. суда Рос. Федерации № 4573/28-п // Бюл. Верхов. суда Рос. Федерации. 1999. № 1.

125. Определение кассационной коллегии Верховного суда Рос. Федерации № 7326/235-р5. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». Раздел «Судебная практика».

126. Постановление Президиума Верхов. суда Рос. Федерации от 31 января 2007 г. № 641П06 // Обзор законодательства и судебной практики Верхов. суда Рос. Федерации за первый квартал 2007 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

127. Приговор Московского районного суда г. Казань Республики Татарстан от 31 августа 2017 г. по делу № 1-197/2017 // Архив Москов. районного суда г. Казань Республики Татарстан.

128. Приговор от 13 сентября 2017 г. Центрального районного суда г. Тольятти Самарской области по делу № 1-353/2017 // Архив Центрального районного суда г. Тольятти Самарской области.

129. Приговор от 14 августа 2017 г. Октябрьского районного суда г. Красноярск по делу № 1-387/2017 // Архив Октябрьского районного суда г. Красноярск.

130. Приговор от 16 мая 2017 г. Куйбышевского районного суда г. Иркутск по делу № 1-131/2017 // Архив Куйбышевского районного суда г. Иркутск.

Учебное издание

Швейгер Александр Олегович, канд. юрид. наук

Вымогательство: вопросы теории и практики

Редактор *А. А. Лебедева*

Подписано в печать 29.03.2021. Формат 60×84^{1/16}.
Усл. печ. л. 4,42. Тираж 100 экз. Заказ № 6.
Дальневосточный юридический институт МВД России.
Редакционно-издательский отдел. Типография.
680020, г. Хабаровск, Казарменный пер., 15.